



*Марина Борская  
Георгий Борский*

# Георгий Марина Борский

## Три Ленки, две Гальки и я

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=19046687](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=19046687)*

### **Аннотация**

Эзотерический экскурс в недавнюю советскую историю – в четырех частях, двадцати историях и двенадцати эпизодах с прологом и эпилогом. Испугались? Ничего страшного. Курсивные вставки можно пропустить. Остальное рекомендуется употреблять три раза в день. Предварительное взбалтывание не требуется.

# **Три Ленки, две Гальки и я**

**Марина Борская, Георгий Борский**

## **Жанр, тематика**

Автобиографический роман. Мемуары. Женский роман.

## **Аннотация**

Эзотерический экскурс в недавнюю советскую историю – в четырех частях, двадцати историях и двенадцати эпизодах с прологом и эпилогом. Испугались? Ничего страшного. Курсивные вставки можно пропустить. Остальное рекомендуется употреблять три раза в день. Предварительное взбалтывание не требуется.

Copyright Marina Borski, George Borski 2015 г.  
izdat-knigu.ru edition

## **Содержание**

## Часть первая. Письмо из прошлого

Пролог, в котором главная героиня представляет себя

История первая, кулинарная

История вторая, спортивная

История третья, школьная

Эпизод первый – дедушкин суп

Эпизод второй – Бибигон

История четвертая, культурная

Эпизод третий – елка

Эпизод четвертый – тучи на горизонте

История пятая, больничная

История шестая, в которой побеждает дружба

## Часть вторая. Кризис как состояние души

История седьмая, хулиганская

История восьмая, почти романтическая

Эпизод пятый – музыка

Эпизод шестой – опять о дружбе

История девятая, очень обидная

История десятая, предательская

Эпизод седьмой – сексуальный

Эпизод восьмой – месть

История одиннадцатая, приятная

История двенадцатая, фиолетовая

Часть третья. Быстрая сортировка

История тринадцатая, соответственно несчастливая

Эпизод девятый – о младенцах

История четырнадцатая, финишная и прямая

Эпизод десятый – эротический

Эпизод одиннадцатый – собрание

Часть четвертая. Образование офисного планктона

История пятнадцатая, в которой выбирается дело жизни

Эпизод двенадцатый – балетный

История шестнадцатая, общежитская

История семнадцатая, печальная женская

История восемнадцатая, девчоночья

История девятнадцатая, и снова о дружбе

История двадцатая, научная

Эпилог жизнеутверждающий. Рекомендуется любителям  
счастливых концовок

О КНИГЕ

ОБ АВТОРАХ

**Часть первая. Письмо из прошлого**



## *Пролог, в котором главная героиня представляет себя*

*Разрешите представиться. Меня зовут Мариной уже на протяжении сорока с небольшим лет.*

*В данный момент я еду в троллейбусе с работы домой и гляжу на знакомую панораму за окном. А на работе у нас проблема за проблемой – говорят, что будут сокращения! Мы кризисы всякие многократно проходили, но в этот раз, по слухам, все гораздо серьезнее. Работаю я «офисным планктоном», на подхвате: то сайт подредактирую, то бухгалтерии помогу. Поэтому, если что, буду первым кандидатом на вылет. Впрочем, бог с ним, не надо пока нервничать.*

*На дворе месяц май. Освобожденная от полугодового сна под снегом земля дышит полной грудью. Щебечут птицы, предвещая скорое лето. Я тоже с удовольствием вдыхаю весенний воздух, хочется петь. Хорошо!*

*Ехать мне долго, почти полчаса. Есть время помечтать, повспоминать. Это делать я люблю!*

*Замечаю, что по бульвару идет забавная девчонка с кошечками. В руке у нее воздушный шарик, голубой, как небо над головой. Ей, должно быть, лет пять, не больше. Когда-то и я была с такими же кошечками и такой же счастливой...*

К содержанию

\* \* \*

## *История первая, кулинарная*

С Ленкой Черкизовой судьба связала меня в раннем детстве. Моя мама как раз вырвала из цепких лап фортуны самый большой приз нашей жизни – двухкомнатные апартаменты улучшенной планировки. Стоило это ей полугода борьбы, включавшей в себя взятки должностным лицам при исполнении, эпистолярные перестрелки с многочисленными бюрократическими инстанциями и махинации с временным прописыванием у нас иногородних родственников. Бедная мама так много нервов потратила, что до сих пор с дрожью в голосе ту эпопею вспоминает.

Едва мы отпраздновали новоселье, как я познакомилась с Ленкой, обитавшей в нашем же подъезде этажом выше. Встретились мы во дворе, где тогда еще в первозданной целости красовались свежевыкрашенные качели и горки детской площадки. Познакомил нас какой-то добрый большой мальчик. Увидев меня и Черкизову, слонявшихся неприкаянно по площадке, он посадил нас вместе на качели, рассказал их и ушел. Ленка оказалась одного со мной возраста, вот

мы и поладили. Стали друг к другу в гости ходить, в куклы вместе играть да во дворе бегать. А через нас и родители друг с другом познакомились.

Папа у Ленки был весьма успешным инженером. Звали его Валентин, и как раз из-за него я с тех пор не выношу этого имени. Дома он выполнял функции бога-олимпийца – парил в облаках и вкушал нектар с амброзией, то бишь изучал прессу, смотрел телевизор и трапезничал на диване. До простых смертных дела ему не было; впрочем, он снисходительно позволял приносить ему тапочки, подавать еду и оказывать другие подобающие его статусу услуги. Время от времени он, будучи неудовлетворенным качеством этих услуг, метал громы и молнии в свою покорную супругу. Мама Ленки тетя Клава была молодой женщиной лет тридцати, атлетического сложения и баскетбольного роста. Стряпня ее и правда до нектара недотягивала. Что-то у нее с готовкой не сложилось. Казалось бы, что в этом такого сложного? Однако ее хронические кухонные неудачи стали притчей во языцех для всех, кому довелось вкушать плоды ее кулинарного искусства.

Помню, как я в первый раз осталась у Черкизовых пообедать. Мама куда-то ушла и попросила тетю Клаву меня накормить. Отказывать в таком пустяке та сочла неудобным, потому и пришлось ей взвалить на себя этот крест. Уложив младшую сестричку Ленки Верочку спать, тетя Клава решительно проследовала на кухню, где мы с Ленкой уже корота-

ли время за музицированием ложками по пустым тарелкам.

«Ну что, Мариночка, – обратилась ко мне тетя Клава с напряженной улыбкой, – как ты смотришь на ... яичницу?» «Ага», – откликнулась я. Конечно, не деликатес какой-нибудь, но у нас на обед всегда суп был, и против внесения разнообразия в свой рацион я ничего не имела. Для того ведь в гости и ходишь. У тети Клавы появилась поперечная складка на лбу, она глубоко вдохнула и взялась за дело.

Вытащила бо-о-ольшущую сковороду, шлеп ее на плиту – и давай конфорку разжигать. Зажигалка у них электрическая была, и что-то в ней разладилось, только щелкала внутри и сразу глохла. Тетя Клава тогда к соседке за спичками пошла. Зубы плотно сжаты, походка нервическая, вся в борьбе, короче. Наконец с третьей спички конфорка разожглась, и тетя Клава с видимым удовлетворением кашлянула.

Я тем временем сидела себе и не подозревала даже, что была свидетелем титанических усилий, вместе с Ленкой пытаюсь построить пирамиду из вилок. Тетя Клава же проследовала к холодильнику. Пару яиц она сразу наружу извлекла, а вот с маслом заминка вышла. И вроде холодильник среднестатистических советских размеров, и вроде не так уж забит был – а масло все никак не находилось. Уже два раза тетя Клава все наружу вытащила и назад засунула – без результата. «Как же так? – пробормотала. – Еще утром было полпачки масла, куда оно могло задеваться?» Я взглянула на Ленку, а у той выражение лица стало точь-в-точь как у ее

мамы, словно воз на себе везла. Тут до меня постепенно стало доходить, что в этом обеде что-то не так развивалось, как положено. Да и в животе у меня уже заурчало от голода. Решила я подсобить человеку: «Тетя Клава, вы не волнуйтесь, хотите, я вам искать помогу?»

Совместными усилиями нашли-таки злополучное масло, в морозилке оно оказалось, за куском мяса. Запихали мы все назад в холодильник, а тетя Клава масло пилить принялась. Но оно от холода затвердело, как камень, да и ножик, видать, тупой был. Впрочем, сил у тети Клавы хватало, она поднапряглась – и приличный кусок масла улетел из-под ее ножа под стол. Мы с Ленкой сразу за ним полезли. Я его первая под батареей нашла и торжественно протянула тете Клаве. Жаль только, что под батареей не очень чисто было, кусочек наш со всех сторон облип мохнатыми хлопьями пыли. Тетя Клава с сомнением посмотрела на него, осторожно взяла масло с моей руки двумя пальцами и, решившись, бросила в мусорный ящик. «Никогда не ешь с пола, Мариночка!» – назидательно произнесла она.

Тут Ленка, стоявшая рядом с плитой, вдруг пронзительно завизжала и затрясла пальцем. «Что, что случилось?» – затравленно вскричала тетя Клава. «Ско-ко-ковородка!» – сквозь рыдания выдавила из себя Ленка. В самом деле, забытая всеми сковородка к этому моменту раскалилась добела, а в некоторых местах, которые были свободны от нагара, уже приобретала отчетливо красный оттенок. Ленку угораз-

дило задеть ее пальцем. Тетя Клава на Ленку бросилась, как коршун на цыпленка, к ее травмам она привычная была. К пальцу лед приложила, дочь на стул усадила, слезы вытерла и печеньку дала.

Нет худа без добра, пока суд да дело, масло уже оттаяло. Тетя Клава его на сковородку ка-а-ак бухнула, а оно, вот незадача, давай шипеть и брызгаться во все стороны! Сковородка напомнила мне вулкан Везувий с репродукции, висевшей у меня над кроватью. Изображенные там люди тщетно старались закрыться руками от падавших на них огромных камней. Картина эта произвела на меня в нежном возрасте оглушающее впечатление, поэтому сразу всплыла в памяти. Каких-то подобных пакостей я всегда и ожидала от жизни. Однако благодаря самоотверженности тети Клавы на сей раз обошлось без жертв: в мгновение ока тетя Клава вытащила крышку с верхней полки и нахлобучила ее на сковороду.

Вытерла пот с лица и измученно заявила не слишком уверенным тоном: «Ну вот, скоро будем обедать». У меня уже под ложечкой сосало – с утра маковой росинки во рту не было. «Ага, здорово!» – ответила я. Потом подумала и добавила: «Вы только посолить не забудьте» (это мое недоверие к чужим людям уже проснулось, да и чувствовала я, что надо как-то человеку помочь). А тетя Клава кивнула – и судорожно так за солонкой к шкафу потянулась. «Вы не волнуйтесь, – постаралась я ее ободрить и взяла процесс под свое руководство, – надо яйца еще туда разбить». Я много раз ви-

дела, как мама и бабушка готовили яичницу, и была теоретически подкована. Тетя Клава затравленно на меня посмотрела и послушалась. Крышку со сковородки стащила – а там какая-то бурая накипь булькала. Но тетю Клаву это нисколько не смутило, она на одном дыхании разбила туда оба яйца.

И опять ей не повезло: часть скорлупок тоже туда упала. Пришлось выуживать лежавшей неподалеку вилкой. Это оказалось непростой задачей, ведь мелкие осколки никак не хотели вылезать и норовили проскользнуть между зубьями. Мы с Ленкой со спортивным интересом наблюдали за процессом. Тетя Клава гоняла скорлупки по всей сковороде; иногда ей удавалось подцепить очередной осколок вилкой – но в последний момент он срывался и летел опять вниз к своим собратьям по несчастью. Тут я догадалась, что нужно делать, и протянула тете Клаве ложку: «Вот, возьмите, ложкой же удобнее будет». Так и в самом деле оказалось сподручнее, и через минуту вся скорлупа была выужена. «Ну, все, готово, – торжествующе провозгласила тетя Клава, – садитесь за стол!» И потушила конфорку.

Мы с Ленкой послушно уселись на свои места, есть хотелось зверски. Тетя Клава тем временем принялась энергично выковыривать из сковородки результат кулинарных трудов. «Ах, – хлопнула тетя Клава себя по лбу, – посолить все-таки забыла! Ну, не беда!». И она щедро посыпала наш обед из солонки.

Долго ли, коротко ли, содержимое сковородки полностью

перекочевало в тарелки и оказалось перед нашими с Ленкой носами. Если бы мне не было достоверно известно, что оно являлось яичницей, я бы ни за что в это не поверила. Все-таки за свою пятилетнюю жизнь я немало яичниц повидала. По крайней мере, все они были бело-желтого цвета. То, что лежало в тарелке, не было ни белым, ни желтым, а было черно-коричневым. Все яичницы, которые я ела до сих пор, были плоскими – эта же растопыривалась во все стороны. Но больше всего мне было непонятно, почему ее получилось так мало. Я бы сейчас, наверное, вообще две сковородки сразу слопала – а стряпня тети Клавы выглядела как крошечная горка. Пока я изучала порцию перед собой, Ленка уже заглотила свою и начала плотоядно поглядывать в сторону моей тарелки. Ну что ж, как бы странно ЭТО ни выглядело, оно, видать, было вкусным, раз Ленка уже с ЭТИМ расправилась. Однако человеком я была осторожным, поэтому потянула в рот ма-а-аленький такой кусочек. Кусочек оказался прогоркло-горело-соленым. Что-то захрустело у меня на зубах, надеюсь, это была соль (хотя вполне могла быть и недо-выуженная скорлупка).

Тетя Клава как раз открыла заевшую форточку, и в кухне стало чуть легче дышать. Я решительно отодвинула тарелку от себя. Это не ускользнуло от внимания тети Клавы. «Что, не нравится?» – озабоченно спросила она. Я неопределенно мотнула головой – дар речи меня временно покинул, организм направил все силы на проглоченный мной кусок зло-

получной яичницы. «Ну, ничего страшного, – заверила меня тетя Клава, – Леночка яичницу доест, а ты, может быть, блинчиков хочешь?» Мне чуть не стало дурно, когда я подумала, что теперь грядет еще готовка блинчиков. Но тетя Клава сразу успокоила меня, добавив, что они с завтрака остались. С этими словами она выудила из холодильника тарелку, прикрытую крышкой, и поставила ее передо мной. Под крышкой оказалась некая подмерзшая бесформенная белая масса, странно пахнувшая чем-то навроде керосина. На мое счастье, тут из соседней комнаты завопила проснувшаяся Верочка, и тетя Клава поспешила к ней. Я воспользовалась шансом и сказала Ленке, которая уже успела прикончить и мою порцию яичницы: «Пойду-ка я домой, что-то аппетита у меня нет».

Стемнело, мама пришла с работы, и я наконец-то насытилась нашим обычным обеденным супом. После моих приключений у Ленки он показался мне особенно вкусным, прямо лакомством каким-то.

Прошла пара месяцев, и то, что тетя Клава совершенно не умела готовить, стало широко известно. Соседи припечатали ее вердиктом «плохая хозяйка». Я с детской непосредственностью при первом же удобном случае поинтересовалась у тети Клавы, почему ее так называют. А она то ли не сообразила, откуда в моей пятилетней голове возникло это взрослое заключение, то ли чересчур раздражилась от столь меткого попадания на любимую мозоль, но что-то с тех пор

расклеилось в наших с ней отношениях.

*Только самой тете Клаве была достоверно известна история болезни – возникновение и развития ее комплекса. А я наблюдала конечную стадию безнадежно-хронического заболевания, с которым она полностью смирилась. У тети Клавы было уже не легкое опасение и даже не сильный страх, а стопроцентная уверенность в неуспехе. Все, чего она хотела в таких ситуациях, – чтобы этот кошмар поскорее закончился. Лучшие всего ее состояние можно было описать, перефразируя известное высказывание: «Я не могу, если думаю, что я не могу». Впрочем, если учесть, что все окружающие были уверены в том, что она не справится, то винить тетю Клаву было не в чем.*

Надо отдать тете Клаве должное, она не унывала и подходила к своим кулинарным обязанностям весьма творчески. Именно у Ленки дома я познакомилась с такими хитроумными кухонными приспособлениями, как сифон для изготовления лимонада и мороженица для сами понимаете чего. На Ленкины дни рождения тетя Клава не готовила абсолютно ничего, зато всегда добывала по непонятным каналам такие дефицитные товары, как шпроты, сервелат, напиток «Байкал» и торт «Паутинка». Хотя одно блюдо было все-та-

ки ее собственного производства – рулетное пирожное, как она его называла. Тете Клаве принадлежала честь изобретения его рецепта. Один бог знает, скольких творческих мучений ей это стоило, но результат явно свидетельствовал об ее изобретательности. Все гениальное просто, и то рулетное пирожное было необыкновенно технологично в приготовлении: через мясорубку прокручивались печенье, шоколадки и грецкие орехи; получившаяся масса упаковывалась в фольгу и ставилась в холодильник. Вкусно было – пальчики оближешь. Мы, во всяком случае, принимали рулетное пирожное на ура.

Проблему ежедневного питания Ленки тетя Клава тоже разрубила, как Гордиев узел: Ленка всегда обедала в столовке неподалеку от нашего дома по талонам комплексного питания, которыми тетя Клава снабжала ее на неделю вперед. Столовское питание вызывало мою жгучую зависть – уж очень мне надоедали заурядные обеды дома. Ну а Ленка? Она завидовала моему супу. Кстати сказать, дали бы ей волю – она бы и в столовке подкрепилась, и суп мой навернула за милую душу, аппетит у нее просто зверский какой-то был.

*Когда мы уже пошли в школу, ее прозорливость оказалась замеченной. Отдельные остряки стали приглашать несчастную Ленку на дни рождения с одной лишь целью – посмеяться над тем, как она подъедает все и за всеми. Че-*

*го-то явно не хватало Ленке в этой жизни, и она судорожно пыталась восполнить дефицит едой. Но получалось плохо. Поглощаемый ею энергетический суррогат пролетал сквозь ее пищеварительный тракт, не оставляя видимого следа, – худая она была всегда, как щепка.*

К содержанию

\* \* \*

## ***История вторая, спортивная***

*Однако наиболее примечательной чертой Ленки являлась не вместимость желудка, а трусость. Трусиха она была отчаянная, высшего сорта. Пугалась по самым невероятным поводам, а иногда и без повода, просто так. Любое соприкосновение с неизведанным вызывало у нее сильную аллергическую реакцию.*

Помню, как нас вместе записали в бассейн, учиться плавать. Эта идея зародилась у моей мамы, а Ленку с согласия тети Клавы за компанию привлекли. Пошли мы на первый урок – Ленка, мама и я. Воскресенье было, день такой сен-

тябрьский, но теплый, солнечный, аж душа радовалась. Я по своему обыкновению верещала о чем-то, а мама поддакивала. Купаться я не боялась совсем, у бабушки летом мы из речки не вылезали. Правда, речка была мелкой, и плавать я не умела, но плескаться и брызгаться любила и уже предвкушала знакомое удовольствие в бассейне.

Но вдруг заметила, что Ленка смолкла, напряжинилась вся, побелела даже. «Ленка, ты чего набычилась?» – спросила я. А она на меня исподлобья посмотрела, это у нее фирменный взгляд такой был, и отвернулась. Я подумала, что Ленка не с той ноги встала, – и принялась дальше болтать в своем победном настроении. Пришли мы в бассейн, мама какие-то талончики раздобыла и собралась вести нас в раздевалку: взяла меня за руку и Ленке руку протянула.

А Ленка замерла, голову опустила, как теленок на пастбище, и тихо, но решительно буркнула: «Я не пойду!» Мама сперва не поняла, переспросила. Но Ленка продолжала в пол глядеть, и опять: «Не пойду я, тетя Наташа, вы идите, я вас здесь подожду». «Как это „здесь подожду“?» – на сей раз мама расслышала. «Ты что, боишься купаться идти, Леночка?» – догадалась она. А Ленка молчала, руки за спиной спрятала для верности, чтобы мама ее не схватила.

Вот только она не знала, что в искусстве убеждения с мамой мог рискнуть соревноваться лишь плохо осведомленный человек. Выдержав небольшую паузу, мама яркими красками обрисовала счастливую жизнь людей, умеющих плавать:

смелые, сильные и здоровые, они наслаждались искрящейся в лучах солнца водой. Затем мама не пожалела черных тонов для описания жалкого существования тех горемык, которые так и не научились плавать: хилые, постоянно кашляющие и чихающие, они со страхом и завистью взирали на счастливую часть человечества, беззаботно резвившуюся в воде. Ленка пока держала оборону, но тут мама пустила в ход тяжелую артиллерию: заявила, что на первом уроке, может быть, и во все в воду лезть не понадобится, что нашим инструктором по плаванию окажется очень милая девушка и что после урока Ленка получит пломбир – а это самое вкусное мороженое в мире. Последнее обещание подорвало решимость Ленки не сдаваться, и она в задумчивости высвободила руку из-за спины, потянувшись к носу с явным намерением исследовать его содержимое. Мама тонко прочувствовала момент, перехватила Ленкину руку на полпути и потащила нас в раздевалку. Уже пора было, мы опаздывали на урок.

Не давая Ленке опомниться, мама налетела на нее, и через пару минут Ленка была облачена в свой цыплячье-желтый купальник. Я была девочкой самостоятельной, поэтому стащила с себя одежды без чужой помощи. А пока мама искала и собирала их по всей раздевалке, я и купальник сама нацепила, это еще больше добавило мне уверенности в себе, хотя, по мнению мамы, он и нацепился задом наперед. С чувством собственного превосходства я глядела на Ленку, присевшую неподалеку. Я-то ничего не боялась.

Мама, схватив нас в охапку, вихрем метнулась в лягушатник, где и должен был состояться наш первый урок. Она легонько подтолкнула нас, помахала нам на прощанье и ушла. Я осмотрелась. Лягушатник оказался небольшой комнатой в полуподвальном помещении, там царил полумрак и воняло хлоркой. В середине комнаты, как полагается, была лужа, где нам предстояло учиться плавать. На поверхности лужи дрейфовала пара надувных кругов. У стены стояла длинная деревянная скамейка, на которой восседал десяток-другой мальчишек и девчонок. Мы с Ленкой сразу поняли, что нужно делать, и сели рядышком.

Перед нами прохаживался наш инструктор. Обещанная мамой милая девушка на поверку оказалась высоченным тощим детиной в полосатых плавках, с пушком на том месте, где полагались усы, и со свистком, болтавшимся на шее. Дождавшись, пока мы уселись, он громко шмыгнул носом и сказал густым басом, время от времени срывавшимся на фальцет: «Меня зовут Михаил – хм – Петрович. Я буду учить вас плавать. Щас быстренько все надеваете вот эти жилеты, – он показал на красно-желтую грудку, лежавшую неподалеку, – и прыг в воду». И свистнул еще – для убедительности, наверное. Мы похватили жилеты, напялили их и залезли в бассейн, там по пояс водички было. Стали внимательно ждать, почти никто не брызгался.

Но тут я заметила, что Ленка на скамейке осталась, нахохлилась и опять в пол уставилась. Я сразу догадалась, что

дальше будет, а вот инструктор наш поначалу ничего не заметил. Мальчишка какой-то наябедничал, стал в Ленку пальцем тыкать – на ее, да и на нашу беду. Тут уж инструктор разглядел непорядок: «Ты чего, тебе особое приглашение требуется?» А Ленка – молчок, только в спасительную скамейку крепче вцепилась. Михаила Петровича понесло. Сперва он поинтересовался, не приехала ли она из Занзибара, в смысле, понимает ли русский язык. Потом спросил, все ли у нее в порядке с ушами. Напоследок предположил, что Ленку внезапно разбил паралич. А Ленка продолжала сидеть, ни слова, ни движения в ответ, прям как статуя. Я решила внести ясность: «Михаил Петрович, это Ленка, она в воду лезть боится». «В воду лезть боится? – переспросил он. – Ты чего, шарики за ролики заехали, что ли?». И показал, что и куда у нее заехало. «Чо тогда сюда пришла?» – нахмурился он. «Ее мама привела, – рассказала я, – а она не хотела». «Ну, знаешь, некогда мне с тобой тут цацкаться. А ну полезай в воду!» – скомандовал Михаил Петрович с нарастающей угрозой в голосе и решительно направился к Ленке, намереваясь схватить ее против воли. Однако Ленка к такому развитию событий давно готова была, легла на скамейку, руками и ногами ее обхватила и такой визг подняла, что уши всем заложило. «Так, я с этой психической связываться не собираюсь», – сказал Михаил Петрович и куда-то удалился.

Пока его не было, мы устроили морской бой в лягушатнике, а Ленка все на своей скамейке ютилась. Минут через

десять инструктор вернулся в сопровождении раздраженной девушки в спортивном костюме. «Вот, урок мне срывает», – и на Ленку показал. Ленка сразу оборонительную позу приняла, то есть обняла скамейку и набрала побольше воздуха в легкие. «К детям, Мишенька, особый подход нужен», – назидательно произнесла девушка. Затем повернулась к Ленке и сладко-сладко спросила: «Тебя как зовут, девочка?» Ответа не последовало, Михаил Петрович презрительно фыркнул, а я опять решила вмешаться: «Ленка ее зовут». «Леночка! – продолжила все тем же приторным тоном девушка. – Посмотри, как детишки весело в водичке плескаются. Это совсем не страшно, пойдем со мной вместе за ручку». И ладонь к ней протянула. Но Ленку на мякине было не провести. Она решила дорого продать свою жизнь и опять включила уже знакомую нам звуковую сигнализацию на полную мощность. Тут, видимо, какие-то ультразвуковые составляющие ее писка вошли в резонанс с чем-то глубинным в голове Михаила Петровича: он издал невнятное мычание, скорчил зверскую рожу и с криком бросился к Ленке. Схватил скамейку и потащил вместе с бившейся в истерике Ленкой к бассейну. Так бы и дотащил, если бы девушка не встала у него на дороге. «Ты с ума сошел!» – прошипела она. Михаил Петрович выпустил из рук скамейку и с рычанием убежал из лягушатника. Девушка натренированной рысцей последовала за ним.

Мы опять остались одни. Брызгаться уже не хотелось, си-

дели себе, кисли в воде дальше. А Ленка продолжала на скамейке лежать, вцепившись в нее изо всех сил, никому уже не доверяя. Прошло еще неизвестно сколько времени. Наконец Михаил Петрович вернулся, теперь вместе с пожилой дамой в очках. «Марья Пална, – чуть не плача развел он руками, – не могу я с этими малявками заниматься, хоть увольте». «Спокойно, Миша, – произнесла дама, – с кем не бывает, первый блин комом». Она осмотрела помещение и, умудренная опытом, приняла мгновенное решение. «Ты, девочка, в воду не хочешь? – констатировала она известный факт. – И не надо, давай я тебя к маме отведу!» Это был неожиданный поворот, и Ленка, видать, подумала, что ее борьба увенчалась успехом. Она доверчиво протянула руку доброй даме и тут же поплатилась за это.

*Ей, наивному ребенку, еще была неизвестна глубина коварства взрослых.*

Дама с необыкновенным для ее внушительной комплекции проворством схватила Ленку и немедленно определила в бассейн рядом с нами. Мы тем временем уже понемногу синели от холода. Ленка открыла рот, чтобы опять заорать, но уже было поздно. Ее оборона была сломлена, бояться оказалось нечего. Тут и звонок прозвенел – первый урок подошел

к концу. Ленка получила от мамы обещанный вождеденный пломбир и совсем смирилась с жизнью.

Для меня этот урок плавания стал последним – я сильно разболелась. В бассейн после болезни я больше не вернулась, а плавать научилась сама, гораздо позже. Ну а Ленка? Она-то не просидела целый час в холоде, с нее как с гуся вода. Представьте себе, после такого начала она чуть не сделалась профессиональной пловчихой. Венцом ее спортивной карьеры стало третье место в областном первенстве общества «Урожай» среди девочек. Я лично присутствовала при ее триумфе, мы тогда уже в школе учились.

\*\*\*

Обещания моей мамы во многом исполнились – Ленка почти никогда не болела. Увы, от трусости плавание ее не вылечило. Ладно, не беда, зато я хорошо запомнила успех Марьи Павловны и взяла шоковую терапию на вооружение. Первая возможность применить ее на практике представилась ближайшей же зимой, когда наша семья вместе с Черкизовыми отправилась в лес кататься на лыжах. К счастью, это занятие Ленка давно освоила, я еле-еле могла за ней угнаться. Только с горок съезжать она панически боялась. Дошли мы до первой возвышенности (именно так, до горки тот холмик яв-

но недотягивал). Ленка на нее как-то по недосмотру забралась, встала и заревела белугой, боясь съехать. От криков и подбадриваний толка было мало. Я одна знала, как помочь: подъехала сзади и по-дружески изо всех сил толкнула ее в спину. Ленка издала предсмертный вопль и поехала вниз, судорожно болтая лыжными палками в воздухе. Описав какую-то немислимую кривую, она с громким хрустом врезалась в своего папу, решившего помочь дочери остановиться. Я подъехала ближе. Одно могу сказать – обыкновенным смертным так при всем желании не столкнуться. Растаскивали мы Ленку и ее папу втроем – мама, тетя Клава и я. За вычетом в щепки разбитых лыж все обошлось, так что дешево отделались.

В другой раз дело кончилось хуже. Я решила облагодетельствовать Ленку, научив ее лазить по беседке. Беседка в нашем дворе была неказистой, соорудили ее с непостижимой целью непонятно для кого. Никто ею не пользовался, пока какие-то мальчишки не нашли ей применение – по ней было весьма увлекательно лазить. За беседкой находился бортик дворового катка (которым, к слову, тоже никто никогда не пользовался); с бортика, подтянувшись, можно было забраться на крышу беседки. Ну а спуститься на землю можно было уже спереди, сползая по шесту – настолько удобному, будто его специально поставили для этого занятия. Когда я в первый раз с успехом проделала сие упражнение, то пришла от него в полный восторг. Целый незнакомый прежде мир

открылся мне! Налазившись вдоволь, я, конечно же, вспомнила о своей лучшей подруге.

Но как ни странно, Ленка не горела желанием присоединиться к нашему беседколазному клубу. Холодно осмотрев беседку с почтительного расстояния, она сообщила мне, что у нее нет настроения, болит голова, и предложила пойти посмотреть мультики по телику. Однако меня так просто было не одурачить: я точно знала, что до мультиков еще не меньше часа. Кроме того, мне был известен отличный способ поднять Ленке настроение. «А ну быстро пошла! – взяла я быка за рога. – Не то щас ка-а-ак дам!» И угрожающе показала кулак. Как настоящая подруга могла ли я позволить Ленке из-за дурацкой слабости характера пропустить такое удовольствие? Ленка хорошо знала, что со мной шутки плохи, да и зазорно было трусить. «Ты чего? Я пойду!» – откликнулась она и засеменила к беседке.

К сожалению, у бортика катка смелость ее покинула, Ленка замерла в ступоре. Я не растерялась, подпихнула ее маленько. Залезла она на бортик сперва, а потом – с моей помощью – и на крышу беседки. «Ну что, классно?» – спросила я. Но Ленка благодарности ко мне не испытывала. У нее явно было другое видение ситуации – она молча распласталась на крыше, вцепилась всеми конечностями, опасаясь навернуться. «Так, – скомандовала я, – отлично, теперь вперед ползи, там шест, по нему вниз съедешь». И показала ей, куда ползти. Преодолеть надо было всего-навсего два метра, но у

Ленки это заняло, наверное, добрых полчаса. Наконец она добралась до шеста, повисла на нем, глядя на меня, и вид у нее был точь-в-точь как у тети Клавы, когда та яичницу нам готовила.

И еще кое-что Ленка мне напомнила: пару недель назад я, дрожа от пяток до макушки, просмотрела жуткое кино про динозавров; едва фильм начался, я перебралась под кресло и просидела там до самого конца сеанса. Так вот, несчастные жертвы, с воплями и стонами исчезающие в гигантских пастях динозавров, сильно походили на Ленку на шесте. То же выражение безысходной тоски и смертельного ужаса на лице.

«Ну, – сказала я, – теперь съезжай». Ничего сложного не предвиделось, самая опасная часть путешествия по беседке была уже позади. Но что-то помутилось у Ленки в голове, она вдруг отпустила шест и, словно спелый плод, рухнула на землю. Я подбежала к ней, помогла подняться. Представьте себе, ноги оказались совершенно целыми, даже ушибов не было. Только правая рука почему-то неестественно торчала вбок. Я сперва даже не поняла, в чем дело: «Ты чего руку так выгнула?» А Ленка рот раскрыла и на руку свою уставилась. Самое интересное – ни писка не издала, будто рука у нее из пластилина сделана была. Только когда мы домой к ней пришли и тетя Клава за голову схватилась, тут Ленка и заголосила.

И потащила тетя Клава Ленку в травмпункт, перелом это

оказался. В самом деле, что же еще можно сломать, падая на ноги с двухметровой высоты? Разумеется, руку. Меня совесть немного помучила – все-таки я была в этой травме напрямую виновата. Жалко Ленку стало. Мне однажды большой палец руки дверью прищемило – так я хорошо запомнила, насколько больно было. А у Ленки не палец – целая рука! Впрочем, Ленке наложили гипс, сделавший ее весьма популярной личностью у нас во дворе, Ленка демонстрировала свою травму любителям острых ощущений. Даже моя слава – я могла на спор порезать себе палец – временно померкла. Потом рука срослась, гипс сняли, мы и забыли об этом инциденте.

\*\*\*

А вообще, дружили мы с Ленкой хорошо. Нашим любимым занятием в слякотные осенние дни было измерять лужи, то есть в сапогах проверять их глубину. Неподалеку от дома, на улице Карбышева, не было растительности, магазинов и прочих достопримечательностей, зато были огромные, засасывающие в грязь лужи. У Ленки как-то раз засосало сапог с концами, и она приковыляла домой в грязном носке. А я однажды провалилась в такую лужу по пояс, и только опасение, что об этом узнает мама, мобилизовало скрытые

резервы моего организма, я даже не заболела.

Когда же погода была плохая и приходилось сидеть дома, мы обычно развлекались в квартире Черкизовых. У Ленки была кошка Мурзик, которую Ленка веселья ради «запускала в космос»: упаковывала животное в шапку-ушанку и на резинке крутила над головой. Мне она объясняла, что хочет кошку натренировать, а потом отдать куда следует – может, ее возьмут в полет на Луну. Или на Марс. Но это было натуральное вранье. Просто Ленку забавляло, как потешно разъезжались лапы у горемычной кошки после кручения: шатаюсь из стороны в сторону, Мурзик залезала под диван, в самый дальний угол и там избавлялась от непереваренного содержимого своего желудка. Мучения кошки продолжались до тех пор, пока тетя Клава не заинтересовалась источником характерного запаха, исходившего от дивана. Решила она эту проблему категорично – засунула кошку в лифт и нажала на кнопку первого этажа.

Другой забавой было выкидывать разнообразные вещи с балкона. Один раз Ленка пожертвовала на это трехлитровые банки с помидорами, стоявшие там же в самодельном шкафу. «Все равно взорвутся до зимы», – резонно сказала она, основываясь на опыте прошлых лет. Содержимое первых двух банок, к нашему восторгу, шмякнулось на тротуар с впечатляющим эффектом, а вот с третьей нам не повезло – помидорная бомба взорвалась под ногами проходившей мимо бабульки. «Что сейчас будет!» – ужаснулась я и оказалась

права. Чуть отряхнувшись, старушка принялась ругаться, да так громко, что нам с седьмого этажа все было слышно. Мы залегли на пол и затаились в ожидании худшего. Слава богу, на большее, чем простое сотрясение воздуха, жертва помидорометания не решилась. Отлежались мы с полчаса, бабулька остыла и ушла по своим делам. Но с тех пор мы больше ничего вниз не кидали, очень уж сильно перетрусили.

\*\*\*

*Еще пара остановок – и я дома. Настроение заметно портится – грезы уже позади, в остатке дня лишь проза жизни.*

*В отличие от героя известного советского кинофильма, я не люблю свой город. Вполне вероятно, это следствие того, что я не люблю себя. В самом деле, за что мне себя любить? Миру я ничего, кроме бестолковой дочери, не подарила. Карьеру не сделала, от бывлой привлекательности остались одни руины. Да и вообще...*

*Неудовлетворенность жизнью у нас в крови. Дедушка был с амбициями, на склоне лет все страдал, что не стал великим русским писателем. Дочь назвал Натальей в честь своей любимой героини из «Войны и мира», чтобы получилась она Натальей Ильиничной Ростовцевой. Сына, соот-*

ветственно, назвал Николаем, но и он графом не стал... Теперь вот я на похожие темы страдаю.

И город наш решительно не перевариваю. Когда-то в здешних краях ничего, кроме лесов и реки, не было. В реке плавали огромные осетры и усатые сомы-великаны. В дремучих лесах бродили лоси, рыскали волки и рычали медведи. Но настали времена исторического материализма. Город сначала начертили на бумаге, спроектировали идеальный муравейник для строителей коммунизма. Широкие, пересекающиеся под строго прямыми углами улицы. Через каждые пять домов – магазин, десять – школа, двадцать – поликлиника. Предусмотрели полную гамму бытовых, культурных и прочих услуг. Перед въездом в город повесили большой плакат – «Ура! Новоустиновск – город химиков и атомщиков». Миазмы отрекламированных плакатом производственных монстров душат остатки леса и реки. Однако и самим строителям достается от них. То и дело их скрючивает множеством невиданных прежде недугов. Не будем никого обвинять. Они ведь, по сути, в большинстве своем хорошие люди, которые не ведают, что творят, и которых просто несет по течению реки жизни.

Не подумайте только, что я ипохондрик или мизантроп какой-то. Есть много вещей, которые я люблю. Вот, скажем, Сосновка, где я родилась. Какой там лес, какая речка, какие у меня там были друзья! Люблю вспоминать о славных временах! Это все было...но давным-давно. А что же

я люблю сейчас? Книжки читать, только чтобы без мрачности и пакостей современных всяких. Еще люблю видеть сны, они у меня почти всегда красочные и интересные. Вот, пожалуй, и все.

Наконец я приехала – вон в том девятиэтажном кирпичном доме я живу. Железная дверь, наскальная живопись на стенах, лифт – шестой этаж, опять бронированная дверь. Как мы богато стали жить – все в железе, вдобавок на первом этаже у всех решетки на окнах, детки в клетке, да и только. Поворачиваю ключ, захожу в квартиру.

На стене висит календарь, дни повышенной геомагнитной активности помечены красным цветом. У стены – авоська с грязными овощами (мытые мы не покупаем, они вредные и не экологичные). Мама делает зарядку – это священнодействие, которому нельзя мешать.

На цыпочках прохожу в комнату. Третий и последний обитатель нашей квартиры – моя дочь Александра. Она уже взрослая – в нынешнем году заканчивает школу. Пробую общаться:

– Привет. Есть новости? Ну, как у тебя дела на личном фронте? Еще не рассталась со своим Виталей?

– Да ты что, мам, с Виталей у меня давным-давно все кончено, еще месяц назад. Разошлись, как в море корабли.

– А кто ж теперь?

– Петя Федоров... был. Я ему тоже от ворот поворот дала. Сегодня утром!

– Божже мой!

– Ничего страшного, самое главное, статус в фейсбуке поменять надо, ты мне не мешай, пожалуйста!

Новое поколение – дети интернета! Помолчали.

– А ты уроки сделала? – продолжаю я. Вот это уже наставления с моей стороны, они вызывают у дочери явное недовольство.

– Ш-ш-шу! Отстань! Сгинь отсюда, а? Лучше вот посмотри, тебе письмо, – она машет конвертом перед моим носом.

Ну что же, письма мне не так часто приходят, уйду, раз просят, – общение закончилось. Я удаляюсь в свою комнату и вскрываю конверт. Это приглашение на встречу выпускников от нашей бывшей классной первой дамы – Юрьевой. Оказывается, уже двадцать пять лет прошло с окончания школы – четверть века!

Не случайно меня сегодня по пути домой на воспоминания потянуло! Лезу под раскладной диван – там у нас семейный архив, старые фотографии. Вот и альбом с фотками, а пыли-то! Забираюсь в кресло с ногами. Слышится урчание холодильника – я это люблю, оно создает уютную атмосферу. Усталость, как верная собака, ложится внизу и застывает без движения...

Первой из альбома вываливается старая, пожелтевшая от времени перфокарта. Сейчас, наверное, никто и не знает, для чего подобная картонка с дырочками была нужна,

*информацию в компьютер вводят совсем по-другому.*

*Откуда она там? А, помню! Это от тети Клавы, она как раз устроилась на работу в вычислительный центр, когда мы пошли в школу. С тех пор там и лежит...*

К содержанию

\* \* \*

### ***История третья, школьная***

*А вот и наша фотка с Ленкой, мы в бантиках и с цветами – идем в первый класс... Я стою в середине, слева Ленка, справа другая девчонка из нашего подъезда – Светка Овечкина. Ленка заметно ниже меня ростом (зато позже переросла меня на голову). Светка в очках, но не из-за близорукости, а для исправления косоглазия, которое она так и не исправила, и немного смахивает на чертика.*

Мои отношения с первой учительницей не заладились с самого начала. Мама снабдила меня импортными духами, но я умудрилась в замешательстве подарить их не учительнице, а ничего не подозревавшей старшекласснице, провожав-

шей меня за руку в класс после церемонии первого звонка. Куда я подевала букет астр, который, точно помню, несла в школу, нельзя было бы выведать у меня и под пыткой. Суматоха, гамма обрушившихся на меня впечатлений и звуков, торжественная линейка, наблюдавшая издалека мама, папа Черкизовой со своим фотоаппаратом – все перечисленное слишком превышало порог моего восприятия. Где-то в середине церемонии я полностью отрешилась от происходящего, и только потная рука моей персональной старшеклассницы время от времени тащила меня куда-то дальше по этому пасмурному резиновому дню.

Каким-то чудом я оказалась в классе, за партой, рядом с незнакомым веснушчатый мальчишкой. Я посидела некоторое время, без особого понимания глядя на женщину в коричневом костюме, которая что-то втолковывала нам у большой черной доски. Затем я решительно поднялась, взяла свой синий ранец и направилась к выходу. «Ты куда?» – удивилась женщина у доски. «Я устала, пойду домой!» – ответила я. Ну, конечно, до двери дойти не удалось – водворили на место.

Женщина оказалась нашей первой учительницей Галиной Ивановной Плесневой, в простонародье известной под прозвищем ГАИ. Она была крупной, уверенной в себе дамой бальзаковского возраста с немного выпученными рыбьими глазами на крупном мясистом лице. Твердой рукой управляясь с малолетками, ГАИ быстро проинвентаризовала роди-

телей по степени полезности и, нимало не стесняясь, принимала от них все, что бог мог через них послать. На мою маму у нее были особые виды, как-никак молокозавод, а ведь, как известно, в те застойные годы большинство продуктов питания можно было найти только в книге о вкусной и здоровой пище. Однако мама посчитала, что уже внесла посильный вклад в дело образования своей дочери злополучными духами. На этой почве между ней и ГАИ возникло недопонимание, скоро переросшее в слабо тлевший и временами вспыхивающий конфликт. За неблагодарность моей мамы ГАИ отплатила черным пророчеством, что по мне ПТУ плачет.

К моменту зарождения данного умозаключения в ГАИшной голове я и правда успела зарекомендовать себя с не лучшей стороны. Несчастные палочки в моей тетрадке то наползали друг на друга, как пассажиры в битком набитом автобусе, то разбегались в разные стороны, словно протолкавшись к выходу на ближайшей остановке. Автобус то резко останавливался, и тогда палочки едва не падали на пол, то внезапно ускорялся, отбрасывая всех силой инерции назад. Все валилось у меня из рук, повсюду красовались чернильные кляксы, мой чудесный, еще совсем недавно пахнувший свежеработавшей кожей ранец был перемазан чернилами, изляпан клеем и исцарапан – словом, крокодил не ловился и не рос кокос. На уроке рисования мы должны были изобразить пилу, но этот достойный инструмент никак не мог подействовать на мое воображение, и под моей бесформенной

коричневой массой с неровными зубьями красовалась жирная двойка. Но самое скверное было еще впереди.

Как-то раз ГАИ велела нам остаться после уроков на классное собрание, а сама удалилась в учительскую. Мы стояли в коридоре перед дверью, поджидая ее, и тут мое терпение лопнуло. Я устала, в желудке давно было пусто, голова болела, и очень хотелось домой. Перспектива провести еще неопределенное время в обществе ГАИ с непонятными целями тоже не привлекала.

– Послушайте, люди, – начала я. – Уроки кончились?

– Кончились, – согласились все.

– Ну так айда домой! – с железной логикой заключила я.

Никто со мной не поспорил, и вернувшейся ГАИ осталось лишь обескураженно взирать на пустой класс. «Расстрел питерских рабочих» состоялся на следующий же день. Взбешенная до точки кипения ГАИ требовала выдать зачинщиков срыва мероприятия. Потрясенные масштабами своего неслыханного преступления, мы сидели в ожидании самого страшного. Я была уверена, что меня сейчас сотрут в порошок.

– Черкизова! Встать! – громоподобным голосом взревела ГАИ. – Это ты сорвала классное собрание? Сознаться!!!

– Нет, это не я, это Ростовцева, – пролепетала Ленка, не выдержав психической атаки.

– Ах, Ростовцева! – повернулась учительница ко мне.

Для меня все было кончено, я закрыла лицо, чтобы не ви-

деть этого ужаса.

– Твой дневник! – прорычала ГАИ.

Дрожащими руками я вытащила из ранца дневник и протянула ей.

– Единица! – торжествующе провозгласила ГАИ. – Вон из класса, и без родителей в школу не возвращайся!

Кара пала на мою голову и придавила чудовищной тяжестью. Домой я шла, как на Голгофу. Мысли пошли косяком. Остальные прогульщики, включая Ленку Черкизову, отделались двойками, но единица – это было просто непереносимо. И что теперь со мной сделает мама?

Наверняка я что-то делала в полузабытьи до вечера, пока мама не вернулась домой. Ну, должна же я была чем-то заниматься. Вероятно, переоделась, поела, вымыла посуду, послонялась по квартире взад-вперед. Точнее, мое тело автоматически производило все знакомые манипуляции, а вот мой дух тем временем пребывал где-то в районе последних кругов ада. Спасения не было, возмездие было столь же неизбежно, как мировая революция.

Мама пришла как обычно, в седьмом часу, принеся многократно заштопанную авоську, до отказа набитую деликатесами эпохи развитого социализма из ближайшего гастронома, то бишь картошкой, колбасой по два восемьдесят и буханкой ржаного хлеба. По своему обыкновению мама прошествовала на кухню готовить на ужин фирменное блюдо – картошку в мундире. Самое главное для нее было вымыть

все чисто-начисто, разве что не с мылом, дабы смыть бактерии и другие вредные вещества.

Мама вообще была экспертом по части микробов, вирусов, травм и других потенциальных опасностей, поджидавших людей на их жизненном пути. У нее это было в генах, передалось по наследству от дедушки вместе с подпиской на журнал «Здоровье».

*Во всей нашей породе жизнь воспринимается как нескончаемая борьба за достижение высокого идеала абсолютно-го здоровья...*

К содержанию

\* \* \*

### *Эпизод первый – дедушкин суп*

Дедушке как-то довелось готовить обед нам с моей двоюродной сестрой (ее звали так же, как и мою лучшую подружку, Ленкой). По такому случаю он решил нас оздоровить и приготовить свой фирменный витаминный суп. Рецепт был весьма прост – в кипящую воду закидывались все находив-

шиеся в наличии полезные вещества. В тот раз дедушка особенно постарался и раздобыл помимо прочего шпинат, проросшие зерна и рыбий жир. Получившийся эликсир, вероятно, был способен мертвого из могилы поднять или мог бы попасть в книгу Гиннеса с рекордом по концентрации полезностей на кубический сантиметр вещества.

Тем не менее, я при своей врожденной недоверчивости с большим подозрением взирала на буро-зеленые островки, дрейфующие в странно пахнущей жидкости. Вторая Ленка по странному стечению обстоятельств, в точности как ее тезка Черкизова, отличалась удивительной прожорливостью и была такой же худой, словно доска. Она легко поглощала двойные по сравнению с моими порции и съедала бы еще столько же, если бы ей позволяли. Недолго думая, она отправила здоровенную ложку варева себе в рот. Я с интересом естествоиспытателя наблюдала за ней. Спустя пару миллисекунд вкусовые рецепторы передали информацию куда следует, лицо Ленки резко вытянулось, глаза выпучились, и она, зажимая рот одной рукой, стремглав побежала к умывальнику, где выплюнула драгоценную дедушкину микстуру и принялась энергично полоскать рот.

Дедушка был поражен нашей черной неблагодарностью в самое сердце. И вовсе не полдня впустую потраченных титанических усилий по приготовлению, а наше нежелание принять внутрь такую прорву целительных веществ расстраивало его. Свой мультивитаминный суп он ел самостоятельно

несколько дней, а остатками поделился с любимцем – котом Тишей, который, к нашему удивлению, супом не пренебрег. «Вот, – торжествовал дедушка, – животные чувят, что полезно их организму, не то что вы, глупые дети!»

Правда, с того дня Тиша стал каким-то бешеным, носился по дому как угорелый (чего за ним раньше никогда не водилось), вечерами особенно заунывно-противно орал, а самое главное, его одолел жесточайший понос, и Тиша начал гадить дома. Бабушка не перенесла запаха и заставила деда увезти Тишу за десять километров в лес. Через полгода Тиша вернулся, облезлый и худющий, но живой. «Сам дорогу нашел, десять километров преодолел, ну это же надо, какая преданная зверюга!» – восторгался дедушка и собирался поставить ему памятник. Однако за время своих странствий от поноса и привычки гадить дома Тиша не избавился, и через неделю пришлось дедушке смириться с прозой жизни и отвезти его на сей раз за двадцать километров. Больше Тиша не вернулся.

Дедушка тяжело переживал разлуку с ним, ведь они несколько лет прожили душа в душу. Тиша был крупным рыжеватым котом с независимым характером. Еще котенком он отличался спокойным темпераментом, чем и заслужил свое имя. Тем не менее, он совершенно не выносил любых попыток ограничить его свободу перемещений, и если я или кто-нибудь другой пытались усадить его себе на колени, чтобы погладить, то он всякий раз недовольно урчал и терпеливо

выждал момента потери концентрации, чтобы удрать. Бабушка его недолюбливала за, как она выражалась, совершенную никчемность, он отвечал ей взаимностью, и только дедушке Тиша позволял некоторые вольности в отношении себя. Ну, например, дедушке разрешалось разместиться неподалеку на стуле и время от времени поглаживать Тишу.

Их дружба особенно окрепла зимой, когда дедушка спас коту жизнь. Дело было так. Бабушке пришлось отлучиться на пару недель в город по семейным делам, и дедушка остался один присматривать за хозяйством. И надо же было такому случиться, что как раз после отъезда бабушки в наш курятник повадился лазить хорек. То есть это уже потом выяснилось, что то был хорек, а пока стали ежедневно обнаруживаться задушенные куры. Когда в наличии остался одинокий петух, дедушка решил во что бы то ни стало спасти хотя бы его и переселил последнего из могикан к себе в дом. В ту ночь дедушка проснулся от пронзительного звериного визга во дворе. Там происходила борьба не на жизнь, а на смерть. Пospешив на поиски источника шума, дедушка обнаружил полупридушенного Тишу, из последних сил барахтавшегося в лапах хорька. Хорек, очевидно, вымещал на нем злобу после постигшего его разочарования в опустевшем курятнике. Тиша отлежался и выздоровел, а вот спасенному петуху не повезло. Вернувшаяся вскоре бабушка не пожелала жить в курятнике, на который к тому времени стал ходить ее дом. Взяла и сварила из несчастного пернатого суп. Дедушка, ко-

нечно, к этому супу не прикоснулся, сказал, что друзей он не ест. Ну а бабушка только посмеивалась. У них вообще такая манера была – друг над другом подтрунивать, царствие им небесное!

\*\*\*

Так вот, поскольку времени у мамы на особую стряпню в рабочие дни не было, витамины мы поглощали в таблетках. Ее картошка в мундире меня вполне устраивала, я не привередничала. Но в тот вечер, само собой разумеется, мне было не до картошки. Тяжело вздохнув – перед смертью не надышишься, я взяла злополучный дневник и направилась на кухню. «Мам!» – обратилась я к маме, хлопотавшей над экспресс-ужином. «Что, котенок?» – как обычно, отреагировала она и взглянула на меня. «Ты что, заболела?» – спокойно произнесла она, подошла и положила руку мне на лоб. Выглядела я, должно быть, и впрямь неважно, сказались мои тяжкие размышления о природе бытия. «Живот болит? Или голова?» – продолжала допрос мама. Я отрицательно помотала головой, издала невнятное мычание и извлекла из-за спины дневник: «Вот».

Мама удивленно посмотрела на него, затем недоверчиво посмотрела на меня, наморщила лоб и взяла дневник в руки.

«За что?» – сухо спросила она, ознакомившись с содержанием последней заполненной страницы. «Вчера после уроков надо было остаться для классного собрания, а я домой пошла, ну и все остальные тоже за мной ушли», – отрапортовала я и залилась слезами. Все напряжение перевернутого дня лопнуло в моей душе, как натянутая струна, и вышло в плаче наружу. И тут произошло маленькое чудо, которому не было места в ГАИшном мире. Эмоциональный выплеск был очень силен – у мамы тоже проступили слезы, она посадила меня к себе на колени и стала утешать: «Ну что ты, котенок, не плачь, ну подумай, какая ерунда! Самое главное – это здоровье!»

*ГАИ, обладавшая многолетним опытом борьбы с малолетками, не предусмотрела такой развязки. Она-то ожидала, что я, стараясь избежать наказания, буду прятать дневник за мусоропроводом, и предвосхищала мое разоблачение при очной встрече с моей мамой. Она не учла одной характерной особенности моей натуры, о которой, впрочем, и не могла подозревать: я родилась с огромным запасом врожденного недоверия к этому миру. Астрологи искали бы причины подобного недоверия в неудачных аспектах моих натальных планет, мистики рылись бы в моих прошлых инкарнациях, а материалисты пеняли бы на генофонд моих предков.*

Как бы то ни было, достоверно известно только то, что страх перед этой жизнью у меня существовал с рождения. Еще грудным младенцем я вела себя спокойно только на руках многократно проверенных мною людей. Стоило только чужаку приблизиться ко мне или не дай бог дотронуться до меня, как я раздражалась отчаянным плачем. Когда я чуть подросла, меня стал преследовать страх потеряться в людных местах. Оттираемая в битком набитом автобусе от мамы жесткими задами, острыми локтями и коленками, я издавала пронзительнейший писк всякий раз, когда мне более не удавалось держаться хоть за какую-нибудь деталь маминого гардероба. Писк не прекращался до восстановления телесного контакта.

Моя озабоченность временами приносила весомую пользу семье. Так, мне можно было без проблем поручить охрану багажа на вокзалах. Когда я еще была в нежном четырехлетнем возрасте, родители водружали меня на нашу грудку чемоданов и уходили со спокойным сердцем. Они знали: враг не пройдет. И в самом деле, любой случайный прохожий, оказывавшийся в радиусе пары метров от нашей поклажи, немедленно оглушался зубодробительным визгом. На мою истерику сбегался весь вокзал, в результате вокруг меня образовывалась мертвая зона, которую я продолжала бдительно сканировать. Народ взирал на меня с удивлением, но под-

ходить не решался, берег уши. Владельцы собак – те просто испытывали черную зависть: такое дрессировке не поддается.

Секрет такого моего поведения, на самом деле, был прост – я категорически не доверяла никому и ничему, постоянно ощущала в происходящем вокруг угрозу возникновения опасности. Доверяла я лишь себе – если знала, что могу что-то сделать, то уверенность меня не покидала. Чужим же от меня веры не было никакой. Прежде чем удавалось уговорить меня сесть в такси, требовалось прочесть целую лекцию о том, какой замечательный шофер со стажем нас повезет и как он аккуратно будет ехать. Даже если казалось, будто все было спокойно, я знала наверняка, что где-то есть подвох, что это неспроста. Ну а если случалась-таки неприятность, то я была совсем безутешна. Помню, как летом в Сосновке я нечаянно разбила любимую дедушкину лампу. Вся семья собралась вокруг меня, утешая, предлагая конфеты и отвлекая игрушками. Но все было тщетно, мир для меня обрушился.

*Стрелки в чертеже наших семейных отношений были направлены нестандартно – я всегда была сама себе строжайшим судьей.*

Так что эффекта, на который рассчитывала ГАИ, не произошло. Более того, успокоив меня кое-как, мама сделала уж совсем самобытный педагогический ход: «Ты, Маришка, на математике и русском языке веди себя хорошо, а на остальных уроках делай что хочешь». Полагаю, ход был гениален: принимая во внимание мой характер, от меня нельзя было требовать больше, чем я требовала от себя сама.

А вот Ленку Черкизову дома за двойку побили тапком и устроили ей головомойку. Тетя Клава припомнила мне все – и сломанную Ленкину руку, и комментарии насчет своей стряпни. Инцидент со срывом классного собрания и двойкой в Ленкином дневнике стал последней каплей. Ленке строго-настрого раз и навсегда запретили дружить со мной, отпетой хулиганкой. Она, как послушная дочь, указание выполнила, что в будущем обернулось для нее многими неприятностями. Я обид не забывала, а ее поведение квалифицировала как форменное предательство.

*Последствия этой глупой истории растянулись надолго. Родителям Ленки тогда было не до нее. Семья трещала по швам – не прошло и года, как Черкизовы развелись. Через некоторое время у тети Клавы обосновался Ленкин новоиспеченный отчим. Он тоже бросил свою жену, и та приходила убивать тетю Клаву кирпичом, но не убила. Теперь уже он возлежал на диване и курил, и уже ему носила тапочки*

тетя Клава. Ленка сидела на скамейке перед подъездом и плакала. А я смеялась над ней – это была месть. И мучила бы меня совесть до конца дней моих, если бы я тогда знала причину Ленкиных слез.

Короче, при их проблемах разбираться в сложившейся школьной ситуации им было не с руки. Да и можно ли было от них этого требовать? Они ведь отреагировали в точности так, как ожидалось. Школа в лице ГАИ жирной двойкой в дневнике потребовала провести воспитательную работу – и они честно выполнили поставленную задачу.

Зачем это было нужно ГАИ? Тоже понятно. Ей – укротительнице диких детей со стажем – непременно требовалось утвердить свой авторитет, чтобы все дрожали, чтобы уважали. На каждого сопливого семилетку душевные силы тратить – на себя не останется.

\*\*\*

За первую четверть ГАИ вывела мне тройку по русскому языку. Отличников у нас тогда было с десяток. Лишь одна из них – Светка Юрьева – осталась отличницей до конца. Многие другие – дети работников пищевой промышленности и продавщиц парфюмерных отделов – даже в девятый класс не поступили.

Шло время, и постепенно я стала понимать неписанные правила игры под названием «Школа». Вскоре мне уже было дико вспоминать детсадовское прошлое – настолько там все было скучно по сравнению с новой жизнью. С уроков я больше не сбегала, палочки, слава богу, закончились, память у меня была фотографическая, а читать я еще до школы научилась, хотя и не любила в те годы это занятие.

К содержанию

\* \* \*

## *Эпизод второй – Бибигон*

Научилась благодаря тому, что мама меня удачно прости-мулировала, пообещав принести с работы живого Бибигона, если я выучу все буквы. «Бибигон» был моей любимой книжкой, маме я доверяла безоговорочно, так что дважды повторять задание не пришлось. К вечеру все буквы были выучены наизусть. Перед мамой, лишний раз удостоверившейся, на что способен ее ребенок, если его успешно мотивировать, встала непростая задача: утратить мое доверие она не хотела, а Бибигоны в наших краях не водились. Пришлось ей принести мне котенка – мол, вот твой Бибигон. Я пона-

чалу слегка разочаровалась заменой, но котенок был такой славный и маленький, пушистый полосатый серо-белый комочек, что я быстро утешилась. И принялась за дело. Воображение у меня всегда было богатое, и несчастное животное в полной мере ощутило это на себе – его пеленали и укладывали в постельку, одевали во всевозможные наряды, кормили и поили с ложечки, учили буквам и выгуливали в коляске. Удрать от меня, вдобавок вооруженной шваброй, в наших двухкомнатных палатах не было никаких шансов, приходилось Бибигону все перечисленное терпеливо сносить. Впрочем, зверь попался живучий, и затискать его до смерти мне так и не удалось.

А вот моя бедная мама жестоко страдала: на следующий же день после появления Бибигона услужливая судьба подбросила ей выпуск журнала «Здоровье», где подробно разбиралась связь между домашними животными и хроническим токсоплазмозом. Непосильная тяжесть вины легла на мамыны плечи. Собственноручно принесла единственной дочери мину замедленного действия на четырех лапах, с усами и хвостом! Ребенка надо было спасать без промедлений.

Ребенок (то есть я) даже не подозревал о тучах, сгушавшихся над головой Бибигона. Мы весело играли, котенок потихоньку привык к моим забавам. Я предвкушала, как покажу его друзьям и подругам в деревне у бабушки, куда мама как раз по традиции собиралась отвезти меня на лето.

В день поездки я усадила Бибигона в плетеную корзинку,

выстланную заранее припасенными клочками ваты и большим банным полотенцем. Путь в Сосновку лежал через Устиновск, ехать надо было почти полдня, и где-то на середине пути от духоты в корзинке и автобусной качки Бибигон принялся отчаянно мяукать.

Вот тут-то мама и поняла: это ее шанс, сейчас или никогда. «Укачало твоего Бибигона – как бы он не сдох», – заявила она. «Сдох? Неужели это так серьезно?» – екнуло у меня сердце. «Кошек нельзя в автобусе возить, таких маленьких – особенно. У них вестибулярный аппарат особенный», – веско аргументировала мама. Ученое словосочетание «вестибулярный аппарат» повергло меня в благоговейный трепет. «Что же делать?» – робко спросила я. «Что делать, что делать, жалко котенка, не выдержит такой тряски и сдохнет», – безжалостно вела свою партию мама. Я затравленно прижимала к себе корзинку с продолжавшим пищать Бибигоном. А мама продолжала обработку. Ее метод убеждения был прост и удивительно эффективен – она повторяла аргументы по кругу, с небольшими вариациями. Когда она пошла на десятый круг, рассуждая об особенностях физиологии кошек, автобус остановился, чтобы взять новых пассажиров и направиться. Мы с мамой вышли наружу вслед за остальными желающими размять затекшие мышцы, я волокла Бибигонову корзинку. Оказавшись на свежем воздухе, я осторожно взяла котенка на руки. Мама пристально посмотрела на него и перешла в решительную атаку: «Видишь, на нем лица нет! Нам

еще два часа ехать, не выдержит он!» «Кому же мы его отдадим?» – потерянно спросила я, глядя Бибигона. «Кому-кому...» – протянула она, оглядываясь по сторонам. Две девочки, с виду чуть старше меня, стояли неподалеку. «Эй, девочки, – позвала их моя мама, – вы местные? Здесь живете?» «Да, мы тут бабушку встречаем», – ответила одна из них, которая была чуть выше ростом и, видимо, взрослее другой, у нее была русая коса длиной до пояса. «Возьмите котенка, девочки», – мама сразу взяла быка за рога, тыкая пальцем в Бибигона. «Особой бенгальской породы», – добавила она для убедительности. Девчонки сперва нерешительно потоптались на месте, потом подошли к нам и стали рассматривать Бибигона. Мама ковала железо, пока горячо:

– Жалко котенка, мы его не доведем, у него вестибулярный аппарат автобуса не выносит. Возьмите, даром отдаем! Вас как зовут?

– Настя, – сказала та, что постарше.

– Ира, – представилась вторая девочка, с чуть раскосыми серыми глазами. Видно было, что котенок им понравился и забрать его они были не прочь, но что-то мешало.

– Вот только что мама скажет?.. – протянула наконец Настя.

– Мама скажет: «Молодцы, что спасли котенка». Животным же надо помогать! Вот, возьмите и корзинку. А зовут этого котенка Бибигоном.

Корзинка стала последней каплей, девочки перегляну-

лись и решились.

– Ну ладно, чего уж, конечно! – сказала Настя и протянула руки к моему – нет, больше уже не моему – Бибигону.

Я во время их разговора напряженно молчала, все еще надеясь на чудо.

*Чуда в программе дня запланировано не было, волшебников и добрых фей в окрестностях не оказалось, а страхи мамы, проинтегрированные на периоде в пару недель моего обладания котенком, перевесили мои судорожные душевные движения.*

Девчонки удалились, таща корзинку с Бибигоном между собой, автобус тронулся, и мама наконец вздохнула спокойно. Ну а я? Всплакнула, естественно, однако тут мы до Сосновки доехали, и мне не до Бибигона стало, друзья-подруги и все такое. Вот так, пусть не без приключений, но я выучила-таки буквы до школы.

\*\*\*

С математикой тоже особых проблем не было, у нас в ро-

ду все по этому предмету хорошо соображали. Считать, например, я в четыре года научилась. Со сложением и вычитанием затруднений тоже не возникло, только со сравнениями я малость подкачала. Однажды ГАИ вошла в класс, постучала указкой и мрачно-торжественным тоном объявила: «Сегодня у нас крайне сложный материал!» У меня кольнуло в груди, кто-то сзади нервно хихикнул, а сбоку чихнул. На тупой физиономии моего соседа по парте Ершова было написано безмятежное спокойствие – ему-то напрягаться не приходилось, он в любом случае собирался скатать все подчистую у меня. Наконец установилась абсолютная тишина...

Помню, я усердно пыталась вникнуть в суть того, что хотела донести до нас ГАИ. Ее объяснения, как обычно, доходчивостью не отличались. «Для сравнения двух величин используются два знака – „больше“, – она нарисовала не очень понятную галку на доске, – и „меньше“». Вторая загогулина получилась весьма похожа на первую. «Если величина, стоящая в левой части выражения, меньше величины, стоящей в правой части выражения, то надо использовать знак „меньше“», – ГАИ подчеркнула вторую закорючку. «В обратном случае используется знак „больше“», – она деловито подчеркнула первую галку. Несмотря на все мои старания, смысл только что сказанного препротивным образом ускользал от моего понимания. Я потеряла нить рассуждений где-то в районе слова «величина», «знак» уложил меня на лопатки, а уж «выражение» вообще добило. В памяти поче-

му-то всплыли строки Чуковского: «Ох, нелегкая это работа – из болота тащить бегемота!» Я живо вообразила непроходимое болото с утонувшими в нем «величинами», «знаками» и «выражениями». Бегемот пока барахтался, но был несомненно обречен. К счастью, пара решенных на доске примеров чуть-чуть облегчила мои страдания. Я поняла, что на поразившие меня ученые слова можно не обращать внимания, – но новая беда уже поджидала меня. К моему глубокому стыду, в свои семь с небольшим лет я по-прежнему не могла отличить «право» от «лево», поэтому применить выученное правило у меня не было ни малейших шансов. Да и закорючки путались в голове. В панике я стала расставлять их наугад – и неудивительно, что за первую же контрольную на эту тему получила двойку.

Пришлось пойти каяться к маме. Она взяла тетрадку, всю расчерканную красными ГАИшными чернилами, и с удивлением взглянула на меня: «Ты что, не понимаешь, какое число больше, а какое меньше?» Я пожалала плечами, уже сама не зная, что понимаю, а что нет. Мама указала какой-то пример в тетрадке:

– Вот здесь что больше? Два или три?

– Три, разумеется, – уверенно ответила я.

– Правильно. А тут что больше, пять или семь?

– Семь больше.

– Так а что же ты тогда пишешь? – мама ткнула в злополучную закорючку между цифрами.

– Это знак – знак «больше», – пролепетала я – и тут же поправила себя. – Нет, знак «меньше»!

Мама внимательно посмотрела на меня, и ее озарило. «Знак, говоришь?.. – задумчиво пробормотала она. – Ты, видишь, как эта галка нарисована? С одной стороны она узкая, с другой стороны широко раскрытая». Для наглядности мама развела руки в стороны: «Вот, широкой стороной рисуй ее против того числа, которое больше, узкой – против того, которое меньше». На этом обучение завершилось, и в следующей контрольной у меня не было ни единой ошибки. Мама, в отличие от ГАИ и составителей учебника по математике для начальных классов, несомненно имела педагогический талант.

В другой раз я обратилась к ней за помощью по теме конгруэнтности треугольников. Это трехэтажное слово вызывало у меня ступор. Мама быстро объяснила мне, что оно означает просто равенство, и долго возмущалась недостатками новомодной системы образования.

А вообще, я ее почти никогда не тревожила по поводу учебы. За всю начальную школу я ни разу не опоздала на первый урок, ни разу не забыла сделать домашнее задание. Наверное, причиной этой моей суперответственности было все то же недоверие к окружающему миру. Меня со всех сторон атаковали реальные и выдуманные призраки возможных и невозможных проблем. Стараясь их предотвратить, я использовала все имевшиеся в моем распоряжении средства.

\*\*\*

Тем временем, несмотря на очевидные достижения в учебе, мои отношения с ГАИ оставались напряженными. Для меня уже не было секретом, что она меня недолюбливает, и я отвечала ей искренней взаимностью. Увы, средств для выражения чувств у меня было не много. Помню, как нам раздали наш первый диктант по русскому языку. Ошибок у меня не оказалось ни единой – но внизу красовалась жирная тройка. Зло меня взяло. Я обратилась к ГАИ: мол, за что подобная несправедливость? А учительница спокойненько так ответила: «Пропуски между словами слишком большие». И взглянула на меня, нагло усмехаясь (или мне тогда так показалось? Сейчас истину установить сложно, столько времени прошло). А что мне было делать? Хоть локти кусай – не поможет. Общественность в лице мамы и подруг была поставлена в известность, но на том дело и кончилось.

Или другой случай был: суббота, последний урок, все в предвкушении выходных, да и погода стояла на удивление солнечная. ГАИ тоже, видать, домой хотелось поскорее, она и придумала: «Я вам вопросы задавать буду, кто правильно ответит – может идти». Задала первый вопрос – и я руку сразу подняла, раньше всех, а ГАИ меня не выслушала, кого-то

другого вызвала и домой отпустила. Второй вопрос, третий, я опять, опережая всех, руку тянула, чуть парту не опрокидывала. Что такое – ГАИ меня упорно игнорировала. Постепенно возникло осознание, что не случайно она меня не замечала. От злости я аж зубами закричала – но как тут быть? Так и отпустила она меня самой последней. Расквиталась за тот случай с сорванным классным часом, что ли?

Не знаю, удалось ли бы мне когда-нибудь покинуть ГАИшный черный список... Но исправить ситуацию с учебой помог случай. ГАИ как подающую большие надежды отправили куда-то, кажется, на курсы повышения квалификации, готовить на завуча. Тот промозглый понедельник я не забуду, наверное, никогда. Я сидела за партой, мрачно ожидая начала первого урока – до вожаемой субботы была целая вечность. И тут в класс зашла незнакомая женщина средних лет с мягкими чертами лица. Она несла в руках классный журнал, и всем стало понятно, что это учительница. Бардак мгновенно закончился, все ученики замолчали и сели на свои места. «Здравствуйте, дети! – сказала женщина приятным грудным голосом. – Я ваша новая учительница, меня зовут Нина Ивановна, давайте знакомиться!» И она улыбнулась столь искренне и открыто, что в моей душе сразу наступило лето, взошло солнце, расцвели и заблагоухали яркие цветы. Я влюбилась в Нину Ивановну с первого взгляда так, как надлежит влюбляться в свою первую учительницу. Для меня, да и для всего класса настала благословенная

пора. По сей день не знаю, в чем там был секрет, но Нине Ивановне каким-то образом удалось направить отношения с нами в совсем новую сторону – сторону взаимного доверия, уважения и разумного поощрения. Она никогда не кричала на нас, не устраивала выволочек – тем не менее, ее авторитет был непререкаем. Класс она утихомиривала одним движением бровей. Спокойная уверенность – вот что излучала она, награждая щедро и наказывая редко, но справедливо. Мы все наперебой старались ей услужить, чем могли, и она платила нам благодарностью. Черета пятерок заполнила мой дневник. Да и не только мой – к концу года у нас оказалось полкласса отличников.

К содержанию

\* \* \*

### *История четвертая, культурная*

Довольно быстро Нина Ивановна обнаружила во мне способности к декламированию стихов и при помощи похвалы помогла им раскрыться. Кое-какие склонности к этому занятию у меня действительно были. Во-первых, память. Бабушка часто вспоминала, как везла двухлетнюю меня в поезде:

с собой она взяла мою любимую книжку Чуковского – и я принялась в пути «читать» (на самом деле – рассказывать наизусть) ее, вдобавок безошибочно переворачивая страницы в нужных местах. На попутчиков мое выступление произвело обескураживающее впечатление. Со стороны была полная иллюзия того, что я умею читать. Бабушка предпочла наслаждаться успехом и не стала никого в этом разубеждать.

Во-вторых, в раннем детстве я совершенно не стеснялась публики. Чужих людей я опасалась и не доверяла им, но стеснения перед ними не испытывала, вот такой странный изгиб детской психики. Когда мама отправлялась в парикмахерскую, то всегда брала меня с собой. Сама она сидела в бигуди, а я тем временем развлекала окружающих стишками да песенками.

К содержанию

\* \* \*

### *Эпизод третий – елка*

А как-то раз мы с мамой пошли на елку к ней на завод. Идти я не очень хотела, пришлось меня от телевизора силой отдирать. Елка мне категорически не понравилась. Про-

водили ее в каком-то странно пахнувшем затхлом помещении. Снегурочка оказалась на голову выше Деда Мороза. Дед Мороз противно картавил, и борода его постоянно отклеивалась. Стали водить хороводы, так за руку меня взяла какая-то большая девочка лет десяти, одетая в черный костюм ночи, с блестками. Рука у нее была жесткой, потной и неудобной, да еще это ее одеяние... У меня такого блестящего костюма не было. Словом, все складывалось нехорошо и неправильно. Я водила хоровод и терпеливо ждала, когда же это кончится.

Тут липовый Дед Мороз заявил: «А тепегь, дети, пога подажки газдавать!» И к мешку своему направился, который под елкой лежал. Только до мешка ему дойти не удалось – путь преградила Снегурочка. «Подарки, – поправила его она, – Дедушка Мороз для всех ребят принес, но чтобы их получить, надо выступить – рассказать стишок, спеть песенку или сплясать! Ну, кто будет первый?» И она пошла вокруг елки, глядя на нас и бурно жестикулируя, – жертву выискивала. А Дед Мороз тем временем все-таки добрался до заветного мешка, развязал его и вытащил оттуда блестящий кулек. Ознакомившись с надписью на наклейке, он громко объявил: «Набог диафильмов! Налетай!» И призывно взмахнул рукой – айда, мол. Явно ожидал, что весь наш хоровод на него сейчас же ринется. Но все остались топтаться на месте: кто в носу ковырялся, кто на полу что-то глубокомысленно разглядывал, а моя блестящая соседка озабоченно шнурка-

ми на сапогах занялась. «Подумаешь, стишок рассказать, – подумала я, – это мне раз плюнуть». И вышла к елке. Дед Мороз обрадовался – наверное, решил, что его реклама сработала. Только мне его паршивые диафильмы до лампочки были, у меня и диапроектора-то дома не было. Просто решила людям помочь, неловко за них стало. Дед Мороз подошел ко мне: «Как тебя зовут, девочка?» «Марина», – ответила я. Тут и Снегурочка подросла: «И что ты нам, Мариночка, расскажешь или, может быть, станцуешь?» «Лермонтов, „Парус“», – с чувством собственного превосходства произнесла я. И ножку отставила в сторону для пущего эффекта. Стих этот я в первый раз по телику услышала, и уж очень он мне в душу задался. Мне всегда жалко было белеющий одинокий парус. А на елке я себя очень жалела, вот он мне и вспомнился. Снегурочке почему-то не понравился мой выбор: она удивленно посмотрела на меня и кашлянула. Впрочем, альтернативы у нее не было, и она с натянутой улыбкой сказала: «Ну хорошо, молодец, давай!» Я и дала – то есть прочитала с выражением. Снегурочка тут же энергично захлопала в ладоши, Дед Мороз кулек мне свой сунул, а сам назад, к мешку.

Вытащил следующий подарок и радостно сообщил: «Конфеты! Кто будет следующий! Ну, ребята!» К моему удивлению, конфеты тоже не произвели желаемого эффекта – зал продолжал хранить гробовое молчание. Ну, я, не будь дура, опять вышла. «А-а, Мариночка! – засюсюкала Снегу-

рочка. – Что ты нам исполнишь на сей раз? А может быть, споешь?» Настроение у меня к этому моменту слегка улучшилось: «Могу и спеть». «„В лесу родилась елочка“ знаешь?» – продолжала гнуть свою линию настырная Снегурочка. «Знаю!» – покладисто подтвердила я. «Давайте все вместе будем подпевать!» – обратилась Снегурочка к остальным детям. Я начала петь, а несчастная Снегурочка стала бегать по залу и размахивать руками, пытаясь расшевелить слушателей. Где-то к финалу третьего куплета ей это отчасти удалось, и несколько хилых голосов присоединились к моим фальшивым руладам. Конфеты достались, понятное дело, мне одной, что окончательно примирило меня с происходящим.

Поэтому когда Дед Мороз выудил из мешка куклу с синими волосами, я на других и смотреть не стала, выбежала прямо на середину: «А я и сплясать могу!» Мое новое появление на эстраде вызвало заметное оживление в группе родителей, стоявших неподалеку. Дед Мороз озадаченно посмотрел на меня. «Плясать тоже умеешь? Это хогошо!» – заключил он. А Снегурочка ничего не сказала. Она, очевидно, хотела отдохнуть, поскольку попыталась облокотиться о елку. Лишь некстати оказавшиеся на дереве иголки привели ее в чувство. Я тем временем уже вовсю выделывала па придуманного мной на ходу танца – насколько это было возможно с двумя кульками в руках (кульки я, разумеется, своей потнорукой соседке доверить не могла). Что ж, попляса-

ла немного – и хватит. Два своих предыдущих приза зажала под мышкой, свободной рукой выдернула куклу у замешкавшегося Деда Мороза и понесла ее маме. Мама была самым надежным местом для хранения подарков. Таким макаром я могла бы весь мешок к ней перетаскать. Жалко, что мама не поддержала мой проснувшийся спортивный азарт и, давась смехом, поволокла меня домой. Искренне надеюсь, что Снегурочка с Дедом Морозом сообразили раздать оставшиеся подарки бесплатно, иначе пришлось бы им торчать там до самого лета, пока не растаяли бы.

\*\*\*

Обретя столь позитивный опыт публичных выступлений, я ничуть не смущалась рассказывать стишки, которые нам к концу первого класса регулярно задавали учить наизусть. Особенно в присутствии Нины Ивановны. Она-то и подметила мою раскованность на мямлюще-сером фоне других первоклашек. Особенное впечатление на нее произвела моя специфическая манера борьбы с провалами в памяти. Другие дети спотыкались, стоило им забыть какое-нибудь слово в стихотворении, из ступора их могла вывести только подсказка. Некоторым помогал повтор с самого начала: со второго захода потерянное слово могло всплыть в памяти. А я без ма-

лейшей запинки подставляла вместо забытого слова или даже словосочетания другое, примерно подходившее по смыслу и ритму, придуманное на лету. Раньше мне за такие фокусы снижали оценки – а Нина Ивановна была от этого в восторге и помогала развитию моей репутации чтеца-декламатора. Именно с ее легкой руки я на долгие годы стала постоянным участником утренников и прочих мероприятий в нашей школе.

А в тот первый год школьной жизни мне даже довелось попасть в городскую команду. Декламировать стихи мы должны были в Доме культуры на девятое мая. Наша пионервожатая серьезно предупредила нас, что наше выступление чрезвычайно важно, ведь на празднике будут присутствовать отцы города. Так и сказала – отцы. Я попыталась представить себе, какие у нашего города могли оказаться родители и почему именно отцы, а не матери, но вскоре оставила эту тему из-за нехватки информации. Отцы – значит, отцы. Зато ответственностью прониклась. Каждый из нас должен был озвучить всего несколько фраз, выкрикивать их требовалось в нужный момент и в определенном порядке под «День Победы» и другую подобную музыку на фоне. Репетировали мы сперва в пионерской комнате, а потом в Доме культуры, наверное, раз двадцать, так что меня можно было бы ночью разбудить – и я бы свою роль без запинки рассказала. Можно было даже и не будить, я и так подробно рапортовала во сне. Мама, услышав мою ночную декламацию в первый раз,

стала давать мне валерьянку, пустырник и почему-то настой зверобоя. А через пару дней потащила меня на прием к невропатологу и психиатру. Но ничто не помогало. У невропатолога я терпеливо снесла все удары молоточком, царапанье моих пяток и прочие издевательства. У психиатра же просто замолчала, как воды в рот набрала. Что я, ненормальная, что ли, на его идиотские вопросы отвечать? «А любишь ли ты маму? И папу?» Тьфу!

Наконец наступил день торжества, меня облачили в белоснежную униформу с октябратским значком на груди, а на голову повязали красные бантики. Вообще-то, красный цвет одежды в детстве действовал на меня возбуждающе. Как на быка на корриде. Достаточно было пяти минут разглядывания себя в таком наряде – и моя агрессивность усиливалась в разы. Однажды у бабушки в Сосновке я как раз находилась в подобном состоянии, когда мне под руку попался незнакомый мальчишка. Его, бедолагу, угораздило забрести на нашу улицу. А я в тот момент страдала от избытка сил, вызванного возросшей самооценкой. Увидев чужака, я поняла, что это отличный шанс их немного потратить. Мы какое-то время присматривались друг к другу – и тут я внезапным метким ударом поставила мальчишке синяк под глазом. Жертве моих некстати проснувшихся чувств пришлось спешно ретироваться, размазывая сопли и слезы по лицу.

Но в день выступления даже шикарные багровые банты не произвели ни малейшего эффекта на мое одурманенное ва-

лерьянкой с пустырником полусонное сознание. Не помню, как мы добрались до Дома культуры, очухалась я уже на сцене в составе команды декламаторов. Зрительный зал был до отказа набит первоклашками со всего города, они шумели и мельтешили. Сопровождавшие школьников взрослые металась между рядами, тщетно пытаясь успокоить воспитанников. Мне показалось, что я увидела и наш класс во главе с Ниной Ивановной; они сидели в первых рядах, и это придавало мне уверенности.

Отцы города тоже присутствовали – в количестве трех человек они сидели за столом, покрытом красной материей, прямо на сцене рядом с нами. Тот отец, который сидел посередине, привлек мое внимание монументальностью позы: он, казалось, постоянно смотрел в одну и ту же точку где-то перед собой, недвижимый, как скала или памятник. Два его товарища время от времени наклонялись к нему и что-то почтительно шептали на ухо, но ни одна жилка не дрогнула и ни одна эмоция не отобразилась на его словно отлитом из бронзы квадратном лице. Кого-то он мне сильно напоминал, но как я ни напрягалась, никак не могла осознать, кого именно. Да, неподвижностью и величественным выражением он походил на бюст генерального секретаря коммунистической партии Леонида Ильича Брежнева в школьной пионерской комнате. Однако то неуловимое, что меня в нем поразило, было вовсе не в этом, а скрывалось в его глазах за стеклами очков.

Тем временем нас осветило прожекторами и откуда-то сбоку духовой оркестр грянул знакомую до боли музыку – выступление началось. Зал, оглушенный оркестром, притих, и мы приступили к заученной речевке. Я включила автотоплот, а сама продолжала ломать голову над загадочным взглядом человека в центре. Номер уже подходил к концу, мне оставалось только крикнуть: «За детство привольное наше...», а лопоухий мальчишка в очках, ученик шестнадцатой школы, должен быть завершить: «...спасибо партии родной!» – и все, это был финал. И тут меня пронзило осознанием: спокойный, неподвижный, гипнотизирующий взгляд – питон Каа из моего любимого «Маугли», вот что он мне напоминал! Глупые вертлявые бандерлоги на трибунах были обречены, их всех до единого заглотит огромный Каа, и нет им спасения! Я была так поглощена догадкой, что едва не замешкалась со своим выкриком, и, ой... «За детство питонное наше!» – внезапно сорвалось у меня с языка! Я готова была провалиться сквозь землю от стыда. Так опозориться перед полным залом и отцами! Но что это – как будто ничего не случилось? «Спасибо партии родной!» – заключил наш ушастый очкарик, оркестр поставил победную точку, а зрители бешено зааплодировали. Даже непостижимый человек-питон вытащил холеные руки из-под стола и издал несколько жидких хлопков. Неужели никто не заметил? Надежда поселилась у меня в душе. «Они не слушали, что ли?» – подумала я. Никто ни слова мне не сказал, все

казались довольными и хвалили нас за блестящее выступление. Мне выдали шоколадную конфету «Мишка на севере», и я решила, что пронесло.

И в самом деле, ничего страшного от моей оговорки не случилось, только на следующий день Нина Ивановна подозвала меня к себе и загадочно-лукаво улыбаясь, спросила: «Что это ты вчера такое сказала? „Детство притонное“? Или „талонное“?» Мурашки пробежали у меня по коже, я не знала, что ответить, и неопределенно пожала плечами. «Талонное, говоришь? – зачем-то переспросила Нина Ивановна, усмехнулась, забавно фыркнула и совсем непонятно для меня добавила. – Лет тридцать назад тебя бы... Ну, иди, иди». На этом все и закончилось.

К содержанию

\* \* \*

### *Эпизод четвертый – тучи на горизонте*

Некоторое время я обдумывала непонятные замечания Нины Ивановны и ее загадочную улыбку. Что такое талоны на колбасу и масло, я, конечно, знала: это были маленькие нарезанные бумажки с заказами на продукты питания,

введенные по настоятельным просьбам трудящихся. Моя мама была искренне рада их появлению в нашей жизни. «Наконец-то додумались, – торжествовала она, – не надо будет больше толкаться в очередях и волочить на себе горы провизии из Москвы». Ее оптимизм я хорошо понимала: с очередями, бесконечными, как тарелка овсяной каши на завтрак, познакомилась лет с четырех. Мама часто брала меня на подмогу, идя в ближайший универсам. Идея заключалась в том, что меня можно было поставить в одну очередь, а мама боролась в другой, по соседству. Выгода была очевидна – за то же время получалось урвать в два раза больше благ, то бишь товаров народного потребления. Я ответственно справлялась со своими обязанностями, зорко следя за конкурентами – взрослыми дядями и тетями, бабушками и дедушками, чтобы меня не обошли. В критических ситуациях, когда запасы товара подходили к концу и страсти накалялись, приходилось пускать в ход проверенное оружие – свой громкий писк. Это всякий раз действовало безотказно.

А как-то раз мне довелось сопровождать маму в Москву. Самым ярким впечатлением от столицы нашей Родины остался вокзал: я жутко боялась потеряться, когда нам пришлось продирааться к вагону через бескрайние толпы пестро одетых то ли узбеков, то ли таджиков. От поезда расходился приятный запах сыра и колбасы, а в пути нас поили сладким чаем. Проблема, как мне казалось, была в том, что поезд не был рассчитан на перевозку полугодового запаса про-

довольствия своих пассажиров. Вероятно, поэтому он еле-еле тащился вперед, с трудом преодолевая малейшие подъемы. Периодически силы совсем покидали его, и тогда он останавливался в чистом поле или посреди дремучего леса. Я думала, он это делает, чтобы отдохнуть, и очень боялась, что придется нам всем вылезать и толкать поезд сзади. Но обошлось: доехали мы с опозданием в сутки – грязные, заspanные, зато довольные.

Мама доходчиво объяснила мне, что дефицит возникает от жуликов и спекулянтов. Один такой спекулянт по фамилии Гнилomedов был нашим соседом по лестничной клетке. Мама называла его шкуродером и говорила, что он в деньгах купается. Гнилomedов не работал, и ходили слухи, что он промышлял шитьем шапок и шуб из пойманных им в подворотнях бездомных собак. Огромный, краснолицый, в самый жестокий мороз он разгуливал в распахнутом на волосатой груди полушубке. От него всегда противно пахло алкогoлем. Мамины слова я воспринимала буквально и живо представляла себе его здоровенную тушу в ванне, до краев наполненной палками колбасы, пачками масла и другими припасами вроде сыра, бананов и ананасов, с которыми я была знакома только по книгам. Моя юная душа прямо-таки закипала благородным гневом всякий раз, стоило мне это представить. Подумать только – труженики села не покладая рук устанавливают новые рекорды по сдаче продовольствия государству, а вот такие трутни-шкуродеры портят все

на корню на радость подлым империалистам-буржуям. Про рекорды я знала из радиопередачи «Сельский час», слушала ее каждый день. О них же рапортовала и местная газета «Заря коммунизма», которую я изучала от нечего делать. С азартом следила я за перипетиями социалистического соревнования. Болела за колхоз «Красный восход», который обычно боролся за лидерство с совхозом «Светлый путь».

Но как же мудрый отец-питон с парализующим взглядом мог позволить жадным жуликам и спекулянтам разворовывать народное достояние? Что ж, теперь он наконец-то пробудился ото сна и выдал нам талоны! Моя картина мира была совершенной, земная твердь покоилась на трех составных частях марксизма-ленинизма. И лишь одно темноватое облачко едва заметным пятнышком появилось на чистом небосклоне моего счастливого детства: что-то неуловимо странное в поведении Нины Ивановны после выступления в Доме культуры, какие-то мелкие детали вроде ее выражения лица никак не хотели вписываться в общее полотно и вызывали у меня непонятную тревогу. Впрочем, вскоре наступило лето, я отогнала неприятные предчувствия подальше и, как всегда, отправилась в Сосновку к бабушке, совсем позабыв об этой истории.

К содержанию

\* \* \*

## *История пятая, больничная*

Однако первого сентября, вступая во второй год своей школьной жизни, я обнаружила, что облачко увеличилось в размерах и помрачнело. Вместо любимой Нины Ивановны нас встретила ненавистная ГАИ. Слегка раздобрев и обзаведясь шиньоном, будучи уже в новом статусе завуча, она с плохо скрываемым злорадством поприветствовала нас: «Что, не ждали?». Напрасно я простаивала все переменки в коридоре рядом с учительской, рассчитывая увидеть Нину Ивановну, – ее нигде не было. Надежда на то, что она просто заболела и вскоре вернется, теплилась у меня в душе – до тех пор, пока через пару дней Светка Юрьева (ее отец был большой шишкой) не принесла сногсшибательные новости: летом, когда мы все были на каникулах, чье-то бдительное око заметило Нину Ивановну на выходе из единственной в нашем городе церкви, чудом выжившей при Советской власти. Криминал был налицо, и собравшийся специально по этому поводу учительский консилиум оказался единодушен. Позволить Нине Ивановне растлевать наши неокрепшие души было никак нельзя, ее решили отлучить от школы – иными словами, уволить.

Пятиминутный путь из школы домой в тот день показал-

ся мне марафонской дистанцией. Ноги налились свинцом, портфель противно оттягивал руку, словно в него наложили камней, а голова раскалывалась от пронизывающей боли в висках. Вердикт мамы был быстро подтвержден сперва градусником под мышкой, а на следующее утро и нашим участковым врачом Пал Палычем – ОРЗ. Болела я хоть и не очень часто, но стабильно пару раз за сезон, поэтому мама не слишком обеспокоилась и с присущей ей энергией тут же пустила в ход все привычные лечебные средства. Я, как обычно, послушно сносила поток мультивитаминов и капель в нос, горчичники, банки, горячее молоко с содой. Я любила, когда мама ухаживала за мной во время болезни, ее активность придавала мне сил. Бабушка, напротив, вгоняла меня в тоску: она ходила вокруг меня, печально вздыхая с виноватым видом; зато с ней было хорошо и спокойно, когда я выздоравливала.

Под аккомпанемент старых пластинок или с зачитанной до дыр любимой книжкой в руках я отчаянно старалась не вспоминать постигший меня удар судьбы. Даже попыталась приобщиться к маминому настольному «Справочнику практикующего врача». Но к вечеру температура поднималась, начинала болеть голова, и таившиеся в глубине моего подсознания проблемы всплывали на поверхность для проработки. Мое тогдашнее религиозное образование исчерпывалось просмотром «Божественной комедии» по телевизору и парой тому подобных советских атеистических штампов. На-

верное, поэтому мне сперва представлялся толстенный бородатый поп – толоконный лоб, который, противно ухмыляясь и угрожая спрятанным под рясой пистолетом, загонял несчастную Нину Ивановну в свою церковь. Я присматривалась к его лицу – и боже мой, попом оказывалась ГАИ с накладными усами и бородой. Затем поп исчезал, вместо него появлялся седой старикашка в белом балахоне. Он выступал на сцене, показывал разные фокусы, при этом безбожно жульничая. В зрительном зале сидела Нина Ивановна и, наивно веря, что старикашка на самом деле творит чудеса, аплодировала ему. Тут на сцену под звуки героического марша выползал толстенный питон и начинал гипнотически раскачиваться в такт музыке. Старикашка-фокусник в смятении прыгал на удачно подплывшее к нему белое облако и исчезал в небесах, просачиваясь сквозь потолок. Публика в панике тоже пыталась вырваться на улицу, но зал оказывался запертой на замок гигантской клеткой, из которой не было выхода. Откуда-то сверху падали разноцветные бумажки-талоны, люди хватали их и жадно пожирали. Питон же выбирал самые раскормленные экземпляры, с громким хрустом зажевывал их и увеличивался, толстая на глазах. Я держала Нину Ивановну за руку и горячо хотела превратиться в храброго мангуста Рикки-Тикки-Тави, чтобы сразиться с жирным жадным питоном. Однако чувствовала, что сил на борьбу у меня не было; вместо мангуста мы с Ниной Ивановной превращались в маленькие воздушные шарики и летели куда-то

вверх, вслед за исчезнувшим белым старикашкой. С высоты и питон, и зрительный зал, и комната, в которой я болела, и все предметы в ней казались ничтожно маленькими, как муравьишки или песчинки. У людей пропадали лица, вместо них виднелись белые плоские маски. Появлялась моя мама и, озабоченно положив руку мне на лоб, давала таблетку димедрола или парацетамола, после которой я засыпала до следующего утра.

Так прошла неделя, которой обычно хватало, чтобы поставить меня на ноги, но в этот раз улучшение самочувствия все никак не наступало. Мама решила перейти к более серьезным мерам – антибиотикам и сульфадимезину. Через пару дней прогресс был налицо – температура спала, и я начала бледной тенью прогуливаться по квартире, ища способы убить время. Мама едва сдерживала свой триумф и уже планировала отправить меня на следующей неделе в школу, когда грянула новая беда. В тусклое субботнее утро я сидела на кухне перед огромной тарелкой, до краев наполненной овсяной кашей. По оконным стеклам барабанил дождь, беспросветная слякоть заполняла собой все обозримое пространство. В понедельник надо было идти в школу, а сейчас требовалось глотать противную кашу. Серо и уныло было у меня на душе. Есть не хотелось. Но мама имела огромный опыт впихивания в меня еды; обмануть ее, как я когда-то делала в садике, сдвигая ненавистный горох к краям тарелки, было невозможно.

Мама старалась кормить меня полезной едой, всякими кашами и кефиром, но и против шоколада не возражала. Я, впрочем, не была такой уж привиредой, просто вкусы у меня были странные. Например, я очень любила пенки на молоке и куриные потроха. Более того, охотно употребляла глюконат кальция, который с младенчества обзывала «гуконатом». А вот рыбий жир мама не решалась мне давать – меня от него рвало. Лишь с годами я поняла, что с тошнотой от невкусной еды можно справиться, если задержать дыхание.

«Ну сколько можно возиться? Таблетки уже проглотила?» – бодро поинтересовалась мама, ворвавшись на кухню и тем самым прервав печальный поток моих мыслей. Я кивнула. Таблеток было, как всегда, много, поскольку мама с присущей ей основательностью закрепляла успех лечения. Я их действительно успела принять – по части глотания медикаментов я тоже издавна была экспертом. «Ага, молодец! – похвалила меня мама, для верности исследовав содержимое мусорного ведра. – А теперь умная девочка съест вкусную, полезную, сладкую кашку». Она набрала большую ложку каши и решительно направила ее к моему рту: «Ложку за маму...» Первые две порции мне удалось разместить за щекой, но для бабушкиной ложки места там уже не нашлось, пришлось глотать – по моей методике, не дыша. Вырвало как-то резко и неожиданно для меня самой. Гадкая удушливая тошнота стремительно поднялась откуда-то из живота и накрыла меня с головой. Вылетело все – и каша, и таблетки, и остатки

вчерашнего ужина. Маму, впрочем, это ничуть не обескуражило, и отмыв наспех себя, меня и кухню, она немедленно пошла на второй заход со своими ложками. Теоретически ее настойчивость должна была принести плоды, но что-то в моем организме сломалось, и с того момента не только ненавистная каша, но и самые любимые лакомства не задерживались во мне дольше, чем на десять минут. Дело дошло до того, что меня стало выворачивать наизнанку от чая, а иногда даже от воды. Обессиленная, я лежала пластом на кровати, тщетно пытаясь насытиться аппетитнейшими запахами, доносившимися из кухни через приоткрытую дверь. Ничего более существенного, чем ароматы пищи, я принять уже не решалась.

На третий день нервы у мамы не выдержали, и она вызвала «скорую». Так я попала в больницу; через час уже неподвижно лежала под капельницей, словно засушенная бабочка.

Я почувствовала, что выздоровела, так же, как и заболела: внезапным скачком, будто кто-то нажал на кнопку. Еще пару минут назад внутри меня медленно шевелилась тягучая тошнота, а сознание окутывала густая белая пелена – но вдруг я очнулась, заворочала головой, испытывая такое ощущение, словно пробудилась от кошмарного сна. Принялась осматриваться по сторонам. Больница, в которую меня определили, была построена совсем недавно, она сверкала первозданной белизной. В нашей палате стояло всего три койки, был отдельный туалет с прекрасно работавшей сантехникой,

а в столовке выдавали деликатесы типа блинчиков с мясом или вареников, причем на выбор. Дневное меню я узнавала от соседок по палате – девчонок лет десяти, то есть гораздо старше меня; это было одной из любимых тем их разговоров. Я со своим питанием через капельницу воспринимала их оживленное обсуждение как издевательство надо мной, но девчонки казались такими большими, почти тетями, и я не решалась им что-нибудь возразить. Да и стали бы они считаться с такой малявкой?

– Варенье клевое сегодня давали с сырниками! – начинала одна из них – пухлая девчонка с русыми кудряшками и смешным именем Ева.

– Не-а, – мотала головой вторая, черненькая, немного горбоносая Ирка, – клубничное варенье не люблю, вот персиковое – это классная вещь!

– Да ты чо, дефективная, что ли? – азартно вступала в спор Ева. – Персиковое – это запахло.

– А ты его хоть когда-нибудь пробовала? – презрительно фыркала Ирка.

– Тыщу раз! – явно привирала Ева. Лично я персики только на базаре видела, и мама их никогда не покупала из-за дороговизны.

– Врешь! – постепенно переходила на крик Ирка.

– Сама ты врешь! – негодовала Ева.

– Дура!

– От дуры слышу!

Такие перепалки были отработаны ими до совершенства, и где-то на этой стадии дискуссия заходила в тупик. После паузы они приступали к обсуждению следующего пункта меню. Во время их бесед я мучилась примерно так же, как человек, стоящий по горло в воде и приговоренный к смерти от жажды. Зато через пару дней я обогатилась обширными познаниями о вкусах соседок: Ира обожала картофельные оладьи и ненавидела рыбу; а Ева питала слабость к сладкому и печеному и не переносила щи.

*Это я запомнила на всю жизнь, даже сейчас могу трактовать на данную тему написать. Конечно, Ирка с Евой болтали и о другом – например о мальчишках-одноклассниках; однако от этого в моей памяти остался лишь белый шум. Только эмоционально окрашенные вещи запоминаются навсегда.*

Настал-таки момент, когда мою капельницу сняли, и я уже собиралась вознаградить себя за длительное голодание. Но и тут не повезло: доктора заботливо посадили меня на диету – кашу и воду. Так и не пришлось мне отведать разрекламированные Иркой с Евой больничные яства.

С точки зрения медицины я выздоровела, и через несколько дней меня отправили домой. В общей сложности я отсут-

ствовала в школе два месяца, но рана в моей душе до сих пор не зарубцевалась. Я отчаянно старалась не вспоминать Нину Ивановну и не думать о том, что с ней произошло. Тем не менее, при мысли о скором возвращении к учебе не могла избежать противного чувства, сильно похожего на недавнюю тошноту.

Странное дело, теперь мама сама не спешила отправить меня в школу. Она была убеждена в существовании скрытой причины моей болезни – и не ошибалась, только искала ее в неправильном месте. Детским поликлиникам мама не доверяла, предпочитала взрослые, а проблему моего юного возраста решала через своих многочисленных знакомых. Кабинет нашего участкового врача находился в самом конце длинного извилистого коридора. Очередь состояла преимущественно из пенсионерок. Их прервавшаяся с нашим появлением беседа немедленно возобновилась, едва мы уселись на жесткие стулья у стенки:

– По утрам, знаете ли, у меня ноги ломит, – хриловато сообщила нам седая полная бабулька, – а к вечеру поясница ноет, особенно перед дождем.

– Да что вы? – с пониманием кивнула ее высокая худая соседка в очках с толстыми стеклами. – А вот у меня уже полгода голова каждый четверг как по часам болит.

– Это обыкновенная мигрень, – авторитетно вступила в разговор мама. – Вам феназепам пить надо.

– Как? Как вы сказали? Позвольте мне записать! – с ува-

жением посматривая на маму, заинтересовалась жертва четвергов.

– Ты, дочка, лучше в церкву сходи, свечечку поставь, авось полегчает, – дала совет совсем уж древняя старушонка в сером платочке, сидевшая в углу.

Столь дремучая безграмотность ее высказывания чем-то задела марксистско-ленинское мировоззрение единственного представителя сильного пола в наших рядах – дородного мужчины в костюме. До этого момента он спокойно листал вчерашнюю «Комсомольскую правду», но тут встрепенулся, отложил в сторону газету и едко спросил:

– А ты, бабуля, что же к врачу в поликлинику пришла, а не к попу в церковь?

– Эх, милай! – откликнулась старушонка. – Я в церкви-то каждый день бываю, это мне ангел во сне явился, сказал, чтобы сюда пришла.

– Прямо-таки ангел? – продолжал язвить мужчина. – Тебе уже, наверное, двести лет давно стукнуло, песок из тебя сыпется, а ты по врачам все бегаешь.

– Двести не двести, а, ясное дело, сынок, бегаю, жить-то хочется!

– Да на что тебе жить, старой карге? Небось на том свете-то лучше.

Старушонка, как мне показалось, с лукавством посмотрела на него, озорно мотнула головой:

– Да уж больно, милай, интересно посмотреть, что же

дальше будет!

Чем закончился их идеологический спор, мне узнать не удалось: дверь открылась, из кабинета врача кто-то вышел, и мама, воскликнув: «Мы по записи!», втащила меня внутрь.

Нашего знакомого участкового Пал Палыча в тот день заменяла молоденькая девушка – видимо, практикантка, только что из института. Мама набросилась на нее, как дважды два четыре доказала, что ребенка надо спасать, и настояла на немедленном тщательнейшем обследовании. Девушка, в общем-то, и не возражала, под диктовку моей мамы она написала мне целый ворох направлений.

Через несколько дней, когда все результаты были получены, нас принимал уже сам Пал Палыч. Он был пожилым флегматичным мужчиной среднего роста, с небольшим брюшком. В разговоре имел смешную привычку прибавлять «так-так» и «так сказать» к почти каждому предложению, поэтому я мысленно прозвала его «Так-Такичем». В лечении он придерживался умеренно консервативных взглядов – а значит, являлся идейным противником моей мамы. «Так-так, – бывало, говорил он, отбивая ее наскоки и подмигивая мне, – температура, конечно, у девочки есть, но через недельку она сама по себе, так сказать, спадет». Именно в целях прорыва его обороны мама завела журнал моего состояния и теперь размахивала им перед участковым, требуя решительнейшего вмешательства медицины. Бедный Так-Такич защищался как мог. Он привлекал на выручку толстен-

ные справочники с полок, взывал к здравому смыслу и даже консультировался по телефону с заведующим поликлиникой. Но напрасно он пытался доказать, что моим анализам могут позавидовать космонавты. Мама была непреклонна, уверена в своей правоте и требовала искать следы мучившего меня недуга. Кто ищет, тот всегда найдет. К исходу первого часа борьбы подуставший Так-Такич сдался на милость победителя. Вытерев с покрасневшего лица пот и заперев на ключ дверь, которую периодически приоткрывали потерявшие терпение пациенты, он направился к кипе бумаг, разложенных на столе. Взял наугад одну из них, поизучал ее с минуту и сообщил: «Так-так, в кардиограмме некоторые показатели на границе, так сказать, нормы». Мама торжествовала: ну конечно же, она именно это и подозревала – дело было в сердце. Снабженные целой пачкой рецептов, мы под обстрелом осуждающих взглядов очереди пошли в ближайшую аптеку.

Через неделю усиленного лечения мою кардиограмму можно было в рамочке на стенке вывешивать – для обучения студентов, как эталон. И не миновать уже мне было цепких лап ГАИ, но тут мама решила напоследок развить успех и одним ударом срубить все оставшиеся головы гидре моих болезней – удалить гланды и аденоиды. Так-Такич опять не устоял перед маминым напором и дал направление на операцию.

К содержанию

\* \* \*

## *История шестая, в которой побеждает дружба*

Детская больница, в которую меня положили на этот раз, оказалась старым обшарпанным желто-коричневым пятиэтажным зданием. В сопровождении медсестры я шла по длиннющему грязно-зеленому коридору, вдыхая ароматы туалета на последней стадии разрушения. Предстоящая операция не давала покоя, как заноза под ногтем. Но за окнами падал первый снег, и, странное дело, я вдруг поймала себя на ощущении, будто помню эту больницу и этот коридор, хотя точно никогда тут не бывала. Ощущение быстро прошло, однако ему на смену пришло чувство, что нечто новое, свежее и чистое поджидает меня здесь. Поэтому когда медсестра открыла двери моей палаты и я неожиданно увидела там Гальку Пескову, пристроившуюся на подоконнике, встреча вовсе не удивила меня. В школе Галька сидела на две парты позади меня, и я знала, что она живет в нашем же доме, только в соседнем подъезде. «Привет! – радостно воскликнула она и подбежала ко мне. – И тебя сюда упичужили?» Я ей тоже обрадовалась: «Привет, да, гланды вырезать. А тебя?» «То-

же! – Галька с досадой махнула рукой. – Меня вчера только положили. Пойдем, я тебе все покажу!» «Пойдем!» – согласилась я, и мы отправились на обход больницы, оживленно болтая по дороге.

В нашей палате стояло шесть коек. Я сразу заняла свободное место рядом с Галькой. У окна обосновались две смешные курносые девчонки, Валька и Ксюша. «Мелюзга!» – презрительно охарактеризовала их Галька. Еще одна койка стояла пустая, а у двери расположилась крупная девица с косичками. Она держала перед носом книжку и усиленно делала вид, будто поглощена ею, а на самом деле украдкой посматривала на меня из-под свисавшей челки. «Алка-задалка», – шепнула Галька мне на ухо и потешно фыркнула.

Мы остановились на минутку у окна, чтобы насладиться открывавшимся оттуда видом. Во дворе больницы громоздились какие-то железяки, напомнившие мне наш школьный сбор металлолома. Чуть дальше серела пятиэтажная клетчатая коробка соседнего корпуса. И только свежевыпавший первый снег радовал глаз своей белизной и создавал обманчивое впечатление чистоты. «Лепота!» – удачно прокомментировала Галька, и мы дружно прыснули. Я среагировала на автомате, поскольку знала, что в ответ на эту цитату из «Ивана Васильевича» полагается смеяться. Фильм с полгода тому назад показывали на первом канале, а я его по какой-то досадной причине пропустила. На следующий после показа день мне пришлось поднапрячься, чтобы не сесть в лужу.

Сперва я просто поддавала жару, покатываясь от хохота за компанию с остальными. Ну, пополам складывалась, ногой дрыгала, и все такое. А потом и крылатых фраз понахвати-лась. Бывало, подойдет ко мне какая-нибудь Светка Юрьева, ткнет пальцем в чью-нибудь сторону: «Держи демонов!» – и, смеясь, обрушится на парту. А я ей, сотрясаясь от хохота, поддакиваю: «Вот что крест животворящий делает!» Сходило за чистую монету только так.

*Для чего надо было играть в эту игру, я тогда не задумывалась, правила ее мне никто не объяснял, все происходило само собой. Лишь с годами поняла: знание неписаных правил есть в каждом из нас, оно еще до рождения зафиксировано в генетическом коде. Как иначе объяснить всеобщую ежедневную фанатичную борьбу за мнение окружающих? Попробуй только отойти в сторону, отказаться от участия в этой игре – безжалостно польют презрением и навесят ярлык неприкасаемой. Если уж прекращать играть, так всем вместе, разом, одна я белой вороной быть не желаю. А вот хорошо было бы – ни краситься тебе не надо, ни что-то из себя изображать, и никакого мнения о тебе не существует, просто пустота. Лучшие уж так, чем одобрение со стороны, да еще оплаченное враньем. Ну ладно, что-то я опять замечталась...*

Галька сменила тему, потянув меня за рукав. «Зырь! – с гордостью указала она на свежие царапины около своей кровати. – Это я нарисовала!» Галька изобразила вполне похожую лошадь и еще какое-то животное, которое я не смогла узнать. «Классно! – слегка покривив душой, польстила я ей и весьма кстати вспомнила кое-что. – А у меня карандаши есть!» «О! Ну ваще!» – у Гальки загорелись глаза. Я остро осознала свою полезность, и приятное ощущение теплой волной прилило к сердцу. «А я нарисую ГАИ! С длинными-предлинными ушами, – внезапно решила я, – и буду ее тапками расстреливать!» Эта идея меня развеселила, и я рассмеялась – кажется, в первый раз за все время болезни.

«Айда!» – Галька потащила меня в коридор для продолжения осмотра. «Осторожно, не споткнись», – предупредила она, указывая на тазик, стоявший у стены. В него размеренно капало с большого мокрого пятна на потолке. Я подставила руку под капли – вода была теплая. Всезнающая Галька, не дожидаясь вопроса, пояснила: «Это у чесоточных наверно трубу в туалете прорвало, а слесарь в запое». «У чесоточных?» – не дошло до меня. «Ну да, на четвертом этаже кожное отделение, они там чешутся, значит, – Галька наглядно продемонстрировала, как они это делают, поскребя себя под мышками на манер шимпанзе. – Я к ним вчера ходила, там ваще не проберешься, весь коридор кроватями заставлен. У нас тут, по сравнению с ними, тишь да гладь». Я попыталась

представить себе полный коридор почесывающихся пациентов, которых заливало водой, но получилось плохо, и мы отравились дальше исследовать наш этаж.

«Здесь палаты, тут ординаторская, то есть врачи сидят, там медсестры таблетки выдают, а это столовка», – быстро вводила меня в курс дела Галька. «А как кормят?» – поинтересовалась я, вспомнив свои недавние страдания в другой больнице. Галька наморщила лоб и махнула рукой: «Перловка да пшенка, травилочка, корочка».

Мы дошли до дальнего конца коридора, в котором размещались туалеты. «А это не для слабонервных, – предупредила меня Галька и зажала нос, – без противогаза не входить!» Но мы все-таки вошли, и Галька предложила изучить «наскальную живопись» на стенах туалета.

*Наши предшественники оставили богатое культурное наследие: виднелись разнообразные жанры изобразительного искусства. Львиная доля экспозиции отводилась каллиграфии, но и графика всевозможных направлений – от символизма до сюрреализма – присутствовала в избытке. Самое почетное место высоко над дверью занимало монументальное полотно на животрепещущую тему удаления гланд.*

Его создатель хотел внушить новичкам ужас перед предстоящей операцией, и ему это удалось. Над крошечным беззащитным пациентом с открытым ртом и вставшими дыбом волосами нависал громадный клыкастый похожий на мясника доктор с гигантским ножом в руке. «Вот как это будит!» – зловеще пророчила не шибко грамотная подпись, исполненная в кровавых тонах (скорее всего, красным фломастером). «Как же они туда дотянулись?» – промелькнуло у меня в голове. Мысли Гальки текли в том же направлении: «Наверное, две тумбочки поставили друг на друга». Далее наслаждаться шедевром не хотелось, дышать было нечем, и я выскочила из туалета.

«Ну а гланды-то где режут?» – поинтересовалась я, когда мы отошли на достаточное расстояние. «Этажом ниже, в операционной, – объяснила мне Галька. – Хочешь, покажу?» Я не хотела, ведь думать о грядущей экзекуции было противно, и поэтому сменила тему: «Не-а. А у тебя на какой день назначено?» «Не знаю, может, завтра, тут сперва анализы берут, а потом как очередь подойдет», – пожала плечами Галька.

В коридоре тем временем возникло оживление из-за пожилой медсестры, которая по порядку обходила все палаты. «На ужин зовут, айда?» – позвала меня Галька, и мы побежали в столовку, куда уже сходились девчонки со всего этажа. Кушать не особо хотелось, но отстояв за компанию с Галькой в быстро увеличивавшейся очереди, я тоже получила пор-

цию пшенной каши. Водянистость каши с лихвой компенсировалась густотой киселя странноватого сиреневого оттенка. Мы уселись за свободный столик и стали есть, то есть Галька начала энергично отправлять пшенку себе в рот, а я – лениво водить ложкой по тарелке и разглядывать окрестности. Через пару столов от нас обнаружилась наша соседка по палате, которую Галька обозвала Алкой-задавалкой, она сидела в обществе совсем больших девчонок. Те что-то оживленно обсуждали, а Алка умудрялась громко хихикать, несмотря на набитый кашей рот. Галька, проследив направление моего взгляда, подпихнула меня локтем в бок: «Алка подхалимничает. Только они ее все равно в свою компанию не берут. А у нас в палате она из себя взрослую строит, важничает». Я тут же вспомнила, как Алка посматривала на меня, делая вид, что читает книжку. Наверное, ей очень хотелось завести подруг, но с нами, малявками, ей было водиться зазорно. И все же Галька была права, что-то не клеилось у нее со взрослыми девчонками. Алка продолжала натужно смеяться, но не похоже было, чтобы ее соседки обращали на нее хоть какое-нибудь внимание. «А Алке когда будут вырезать гланды?» – спросила я. «Она гайморитчица, им ничего не режут, только процедуры какие-то», – опять просветила меня Галька, уже покончившая с кашей. С киселем она тоже быстро расправилась, и поскольку я так и не решилась приступить к своей порции, мы пошли назад в палату, где и провели остаток вечера, травя анекдоты. Точнее, Галька расска-

зывала, она их уйму откуда-то знала, а мне оставалось хихикать. Смешно было по-настоящему, притворяться не пришлось.

Когда на улице совсем стемнело, пришла уже знакомая мне медсестра и посадила Вальку с Ксюшей на горшок. Они с успехом выполнили свою важную задачу, и медсестра послала нас с Галькой мыть их горшки. Мытье горшков производилось хитрым аппаратом в приснопамятном туалете. Разобравшись с поручением, мы вернулись в палату, где к тому времени был выключен свет. Нянечка загнала в постель Алку, цыкнула на нас с Галькой, чтобы мы не шептались, и закрыла за собой дверь.

Я тихо лежала на своей скрипучей койке. Из-под двери пробивался коридорный свет, издалека слышались окрики медперсонала, разгонявшего по палатам особо неукротимых пациентов. Мне было хорошо. Где-то в глубинах души пробудился горячий источник, его чистые воды успокоили и обогрели меня. Обрывки мыслей, постепенно замедляясь, вальсировали в голове. Странное дело: ни привычные переживания о потере Нины Ивановны, ни ненависть к ГАИ, ни даже боязнь операции нисколько не задевали меня. Воспоминания, еще вчера безжалостно кусавшие меня, отделились, словно они были о чьей-то чужой жизни. Желание насолить ГАИ сменилось полным равнодушием. А уж удаление гланд и вовсе потеряло всякую значимость. Целебный эликсир из моего вновь обретенного источника растворил все.

Благодарность сперва к Гальке, а потом и ко всему миру и к жизни заполнила меня. Я и не заметила, как уснула.

Утро следующего дня началось жуткой кутерьмой. Первыми проснулись малявки, и нам с Галькой опять пришлось выносить их горшки. Вдобавок противная Алка язвительно пожелала нам приятно провести время. Очень остроумно! Когда мы вернулись в палату, ее уже там не было; откуда-то снаружи доносился ее характерный подхалимский смех с повизгиваниями. «Ну, Алка, завелась хихикать до вечера!» – буркнула Галька ей вдогонку. Я отчетливо ощутила Галькину неприязнь к Алке. Как хорошая подруга я Гальку поддержала. Мы сообща пригвоздили соседку к позорному столбу задавак и шестерок. Правда, углубиться в эту тему нам не удалось, поскольку денек выдался сумасшедшим. Не прошло и минуты, как в палату ворвалась необъятная медсестра с усиками и в белом халате, которая пробасила: «Пескова, Ростовцева – живо за мной на операцию!»

Через каких-нибудь полчаса меня водрузили на большущее неудобное кресло в залитой электрическим светом операционной. Дело было поставлено на поток – таких кресел в операционной я насчитала штук пять, и в дальнейшем из них уже обрабатывали Гальку. Надо мной нависла все та же усатая медсестра. «Открой-ка рот пошире!» – мрачно потребовала она. Перед моим внутренним взором промелькнула злоеющая картина над дверью туалета, но времени испугаться не было. События разворачивались быстро, как в кино. В гор-

ло что-то кольнуло. «Можешь закрывать рот», – скомандовали мне. «Заморозили» – догадалась я, почувствовав первые признаки онемения горла. А через десять минут все было кончено, маленький сухонький доктор показал мне что-то крошечное и красненькое на поддоне. «Это были твои железы, – пояснил он, – познакомься на прощание». Я не почувствовала ровным счетом ничего, и только во второй половине дня, когда перестала действовать анестезия, мы с Галькой полезли на стену от проснувшейся боли. Рисковать что-нибудь съесть мы не пытались – невозможно было даже говорить. Вечер скоротали за рисованием карикатур на ГАИ. Галька, родственная душа, как оказалось, тоже ее не переносила. Галькины родители из принципа отказались делать подношение, хотя возможности у них были выше среднего, и за это Галька, как и я, попала в ГАИшный черный список.

К утру боль поутихла, но наша робкая попытка позавтракать провалилась с треском: муки голода не шли ни в какое сравнение с ощущениями от каши в разодранном горле. Это было все равно как водить наждачной бумагой по месту, где снята кожа. Алка же нарочно уселась в столовке прямо напротив нас и, противно ухмыляясь и причмокивая, стала закидывать ложку за ложкой вожделенной пшенной размазни в свой бездонный рот. А когда мы несолоно хлебавши ушли в палату, она даже бросила свою компанию, чтобы похрустеть перед нами припасенным домашним печеньем. Неприязнь к Алке, еще вчера не беспокоившая меня, теперь

окрепла. «Специально издевается! И что мы ей сделали?» – по кругу вращались мои мысли со все возрастающей скоростью. Это чувство требовало выхода, и я была на грани того, чтобы швырнуть во вREDину чем-нибудь потяжелее. К счастью, тут печенье закончилось, дразнить нас больше было нечем, и Алка отправилась на поиски своих покинутых ради нас подруг. Мы с Галькой понимающе переглянулись, мысленно послали ей вслед то, что она заслуживала, и переключились на ловлю полусонных мух, благо их было много.

За этим увлекательным занятием время летело быстро, и к обеду мы приобрели известную сноровку. Знаете ли вы, что удобнейшим оружием для истребления мух является не газета, не электрическая мухобойка, а всего лишь сложенное вдвое полотенце? Оно должно быть правильного размера. Слишком длинным трудно управлять, и удар не получится смертельным; а со слишком коротким будут сплошные промахи. Секрет удачного замаха заключается в том, чтобы хлестко бить муху на взлете последней четвертью полотенца. Постигнув перечисленные хитрости на собственном опыте, я научилась сшибать мух на лету, а Галька вообще показывала высший класс – не убивала, оглушала только, а потом крылья отрывала и в банку мух собирала. «Ну ты садистка, Галька! – с плохо замаскированным восхищением прохрипела я. – Зачем они тебе?». «Щас увидишь!» – просипела Галька и потащила кишашую искалеченными насекомыми банку в коридор. Я побежала за ней, сгорая от любопытства.

Галька приблизилась к тазу, в который продолжало мерно капать с потолка, и, скорчив зверскую гримасу, объявила: «Морской бой!» В тазике нашлось место для двух бумажных корабликов. Несчастные бескрылые матросы в панике носились по палубе в поисках спасения. Спасения не было – со всех сторон окружала вода. Доплыть до стенок тазика под не знавшим жалости взором флотоводцев тоже было не суждено. Шел дождь – то бишь сверху падали огромные капли; кораблики постепенно намокали и тонули. Одно за другим измученные безнадежной борьбой существа срывались в воду. После непродолжительного барахтанья их мучения быстро заканчивались и душонки отлетали в лучший мир. Напоследок в тазике разразилась настоящая буря, волны смывали всех с тонувших кораблей. Наконец на поверхности осталась биться в конвульсиях одна – последняя – жертва геноцида мух. «Это капитан, – пояснила Галька. – Он последним покинул свою тонущую шхуну и чудом спасся!» Галька гуманно протянула ему руку помощи, переживший кораблекрушение капитан в награду за стойкость был высушен и отпущен на волю влачить жалкое бескрылое существование.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.